Детектив под знаком Зодиака
Диана Кирсанова
Созвездие Весов,
или Рыцарь падшей королевы

Диана Кирсанова

Созвездие Весов, или Рыцарь падшей королевы

Серия «Детектив под знаком Зодиака»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=318342
Созвездие Весов, или Рыцарь падшей королевы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30611-4

Аннотация

Максим Бардин, как и многие мужчины, рожденные под знаком Весов, чертовски обаятелен и, словно магнит, притягивает к себе женщин. В свое время его бросила с маленькой дочкой на руках красавица жена, и уже много лет он – вольная птица. Поэтому-то его дочь Ариадна, обладающая большим здравым смыслом, принимает решение женить отца. В мачехи девушка прочит себе преподавательницу из собственного вуза – Анну Березневу. Однако в планы Ариадны вмешиваются серьезные обстоятельства. Березневу обвиняют в нескольких убийствах. Хорошо, что волею судьбы в расследование вмешивается Леди Зодиак – астролог-аналитик и, между прочим, очень эффектная женщина…

Содержание

Убийца 4
Макс 7
Арина 12
Убийца 51
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Диана Кирсанова
Созвездие Весов, или Рыцарь падшей королевы

Сергею Бондаренко, хорошему человеку

Не человек ли властен над судьбой?
Не в звездах дело, мой дражайший Брут,
А в нас самих…
Шекспир

Убийца

«…Я пытаюсь. Я честно пытаюсь забыть.

Полгода я живу в этой тупой, гулкой пустоте. Полгода.

С тех пор, как она бросила меня.

– Нет милый, нет. Это решено. Нам надо наконец расстаться, – сказала она тогда. И это был приговор.

До сих пор помню этот вечер до мельчайших подробностей. Она сидела на моем диване, бледная, очень уставшая, с опущенными плечами. Под тонкой кожей виска билась голубая жилка. Такая знакомая. Я мог смотреть на эту пульсирующую жилку часами и в те редкие минуты, когда она мне это позволяла, ласково касаться губами ее виска.

– Нам надо расстаться, милый мой! Мы только мучаем друг друга. Пойми меня, пожалуйста. Постарайся понять.

Я опустился на пол возле нее и положил голову ей на колени. Родная рука неспешно ерошила мне волосы. Это была прощальная ласка. Она говорила еще что-то, негромко, почти неслышно, как будто баюкала. А я вздыхал ее запах, прижимался лицом к коленям, вжимался в них, словно пытался отпечатать, оттиснуть себя на ее теле.

И плакал. Я рыдал так, как в последний раз рыдал очень давно. В детстве.

Потом она ушла.

…Полгода вокруг меня ничего не происходит. Совсем ничего. Иногда только мне кажется, что я снова оживаю – в те редкие ночные часы, когда она снова приходит ко мне, стоит на пороге спальни.

Я вижу ее так ясно.

Я приподнимаюсь на кровати. На этой кровати рядом со мной лежит другое тело – ненужное, отталкивающее, чужое тело моей жены. Оно храпит, высвистывает носом рулады, тяжело стонет во сне. Я с гадливостью смотрю на это влажное от пота лицо с налипшими на него волосами, этот рот, который бормочет что-то, донося до меня несвежее со сна дыхание женщины, давно и глубоко мне отвратительной.

Я приподнимаюсь на кровати. И смотрю не на жену, а на Нее.

Теперь мы одни, потому что я знаю, что жена не увидит

Ее, даже если проснется, – и мы можем поговорить.

– Почему ты бросила меня? – спрашиваю я. – Разве тебе было плохо со мной?

Она молчит. Смотрит на меня. В любимых глазах – грусть.

– Неужели тебе было так плохо со мной?

– Я не хотела, чтобы ты был одинок.

– Мне плохо без тебя.

– Нет-нет… Все пройдет. Все будет хорошо.

– Не уходи…

Но она уходит. Уходит легко, так же легко, как ее дыхание, – даже штора, перекрывающая вход в супружескую спальню, не шелохнется.

И возвращается темнота. Тоска. Духота и шепот ночи. И невнятное бормотание женщины, которая ворочается рядом…»

Макс

«…Предчувствовал ли я что-нибудь, когда проснулся в тот день в смурном настроении, или просто не выспался – сейчас уже не скажешь. Ясно, что последующие события накладывают на воспоминания свой отпечаток, вот и начинаешь придумывать: «В то утро я сразу понял, что что-то не так», «первая же увиденная женщина посмотрела на меня как-то странно», и так далее. А на самом деле все это ерунда.

Я уже давно каждое утро понимаю, что что-то не так – и с миром вообще, и со мной в частности. А в том, что женщины смотрят на меня странно, – и вовсе ничего удивительного. Удивительно то, что они еще не крестятся при этом и не тычут в меня пальцем с загнутым багровым маникюром:

– Вот он! Вот источник наших бед!

Я всем что-то должен. Не оправдал надежд. И стало быть, во всем виноват.

Раньше я только смутно об этом догадывался, а сейчас уверен на двести пятьдесят шесть процентов, а потому и не расстраиваюсь особо.

Словом, то, что тогда я проснулся в смурном настроении и женщина посмотрела на меня как-то странно, никак не натолкнуло меня на мысль о будущих неприятностях. Смурное настроение объяснялось обычной алкогольной абстиненцией, а то, что женщина смотрела на меня привычно осуждаю-

ще – так просто она умела это делать лучше, чем я.

Я рывком поставил свой корпус вертикально. Ну, просто сел.

Тамара стояла прямо надо мной – полностью одетая, элегантная, свежая – и смотрела презрительно-сочувствующе: явно желала закрепить уже одержанную моральную победу какой-нибудь своей очередной красивой фразой – или моей нелепой. Я тут же ринулся ей на помощь и предложил такой вариант:

– Ты уже проснулась?

Она торжествующе покачала тщательно уложенной головой:

– Господи, тебя даже нельзя нормально бросить! Ты же опустишься окончательно! Ну что мне – няньку для тебя специальную нанимать?

– Ага, филиппинку. Или тайку. Хотя по правилам их должно быть хотя бы две. Тайки, я имею в виду. 90–60 – 90…

Теперь она покачала головой. Безнадежно.

– Некогда мне с тобой нянчиться, – наконец-то искренне сказала она. – Устала. Да и не хочется уже.

– Что-то мне подсказывает, что теперь ты позвонишь уже не скоро, – усмехнулся я.

– Между прочим, ты сам мне всегда звонил первым, вспомни. И вчера тоже.

– Да, разумеется, – сказал я. – Прости. И прощай.

В таких случаях трудно не воспользоваться наработанным

опытом – банальностью и штампами.

Она вздохнула и вышла.

В общем, расстались мы вполне цивилизованно. Примерно раз в четвертый, но, по-моему, уже серьезно.

Ссора началась из-за пустяка – собственно, они только так и начинаются, потому что по принципиальным моментам нормальный человек всегда готов к диалогу, а вот по мелочам – ни за что. Просто вчера мы договорились встретиться, а я, пока ждал ее, успел выпить. Причем по уважительной причине.

Я вообще в этот день каждый год основательно напиваюсь. А тут всего полторы бутылки бурбона – а столько разговоров…

Вчера, 13 октября, была годовщина моего Освобождения. Ровно семнадцать лет назад меня бросила жена.

Впрочем, тогда ни она, ни я даже не догадывались, что она меня бросила. Просто Мария удачно уехала за границу. Настолько удачно, что возвращаться было уже просто глупо, особенно когда у нее там родились близнецы от очень достойного и уважаемого человека. Можно было бы сказать – шишки и богача, но это как-то снизило бы ее образ, придало бы ему несправедливый оттенок меркантильности. А этого, конечно, не было. Нельзя же считать меркантильностью то, что человек устал жить от своей получки до моей халтурки и стоять в очередях за детским питанием и дегтярным мылом.

Нет, проблема была не в этом. Проблема была в том, что жена моя была Красавицей – в истинном, русском понимании этого слова. Не холеной, не породистой, а именно русской Красавицей – спокойной, нездешней и с отчетливым отблеском трагичности на фантастически красивом лице.

Настоящим красавицам живется непросто: у них преувеличенное представление о некоем своем Предназначении – не зря же на этом несовершенном свете они появились ВОТ ТАКИЕ. Жизнь со мной, а потом с маленькой Аркой в тесной квартирке и без особых перспектив на исполнение Предназначения походила мало. Поэтому она и уехала – а точнее, осталась, когда представилась возможность не возвращаться из турпоездки. Не последнюю роль тут сыграл порабощенный ее красотой француз.

– Максим… – сказала она, позвонив из-за бугра по телефону.

И замолчала. И я тоже молчал.

Конечно, было тяжело и противно, зато сейчас я вспоминаю то время с благодарностью. Теперь мне уже ничего не страшно. Я понял, что человек способен выдержать многое, что всякий труд почетен, что с голоду я уже никогда не умру и что друзья действительно познаются в беде.

Не знаю, какой из меня был отец, но, по-моему, дочь выросла вполне здоровой и толковой.

Главное, она не переняла худших черт своих родителей. Не стала красавицей в маму (по *той* линии Ариадне, как ни

странно, передалась разве что склонность к вольнолюбию и даже некоторому диссидентству) и не превратилась – того хуже – в витающую в облаках «творческую натуру», как я.

В общем, она не похожа ни на Марию, ни на меня, и с точки зрения психоанализа (или как там еще называются эти всезнающие науки) такая «непохожесть» выглядит, наверное, несколько странной.

Свои дни рождения мы с Ариадной празднуем вместе – она родилась, как и я, 23 октября. Кажется, это должно подразумевать, что и характеры наши похожи?

Ничуть, ничуть. Веселая, нагловатая девица с четкими ориентирами и планами на жизнь – современная до мозга костей. Иногда я чувствую, что она старше меня или, по крайней мере, мудрее…

В эту минуту этот мудрый человек как раз и вышел из своей комнаты – спасибо, что не раньше! Не в разгар разборок с Тамарой. И боже меня упаси объяснить это деликатностью! Просто Арька не слишком жаловала моих женщин (да и меня, как я подозреваю, в последнее время тоже). Нахмурив гладкие, как усики бабочки, бровки, встала у двери в мою студию – маленькая, она едва доставала головой до середины дверного косяка – и надулась, заложив руки за спину. Сейчас скажет какую-нибудь колкость.

А мне, как взрослому и умному отцу, надо не подать вида, как я робею перед собственной дочерью…»

Арина

«– …И никогда, никогда не суй свой нос во взрослые дела! – вслед за этим он дернул меня за косицу, сцепил указательный и большой пальцы и щелкнул меня по лбу. Было не то чтобы очень больно, но жутко обидно.

Я развернулась, сдернула с вешалки кепку и перчатки и так хлопнула дверью, что она прижала конец шарфа – пришлось, закусив губу, снова дергать дверь, высвобождать шарф, снова разворачиваться, снова хлопать дверью – и все это под его насмешливым взглядом, потому что он и не думал уходить, а стоял тут же, у вешалки, скрестив руки на груди и прищурив один глаз. Вся эта суматоха лишала мой поступок печати гордого презрения и выглядела, как всегда, жалко и несолидно.

Красная от обиды и унижения, я кубарем скатилась с лестницы и потрусила к метро.

Да. Тянуть больше нельзя. Пора его женить. Женить, или он совсем от рук отобьется!

Может быть, в устах семнадцатилетней девушки заявление о том, что она хочет женить собственного отца, звучит до странности непривычно, но я просто высказала мысль, которая преследовала меня уже лет пять. С тех самых пор, как лица его любовниц начали меняться так часто, что перестали различаться мною и слились в одну «собирательную» физио-

номию – непременно выхоленную, отреставрированную дорогой косметикой и обязательно с выражением легкой надменности (это когда она смотрит на отца) и жалостливого сочувствия (когда оборачивается ко мне). Сколько их перебывало в нашем доме, мне никогда уже не подсчитать даже на калькуляторе!

Только не надо думать, будто мой отец настолько циничен, что позволяет своим пассиям проходить в его спальню через мою «детскую». Поскольку наша жилплощадь состоит из двух отдельных, соединенных «карманом», квартир, то формальности всегда соблюдаются. Профессия фотохудожника дает отцу возможность именовать одну квартиру, ту, где царит наибольший бардак, – «студией», а вторая считается моей территорией. Или – «Арькиной половиной», потому что ко всем своим недостаткам отец имел остроумие назвать меня Ариадной!

Куда при том смотрела мама, я до сих пор не знаю. Она бросила нас с папой, когда мне было немногим более года. С тех пор мы живем с ним вдвоем. Если «жизнью вдвоем» можно назвать жизнь, когда каждая из его моделей (Ха-ха, «модели»! Да на них одних драгоценностей понавешано на миллион!) норовит поближе познакомиться с «бедной девочкой», то есть со мной.

Вообще-то, как женщина, я могу понять этих дур. Отец мой – мужчина хоть куда. Как мама могла его бросить, пусть даже ради жизни в Париже, о котором, если верить папки-

ным рассказам, она всегда мечтала? Эта мысль не дает мне покоя все последнее время.

К слову сказать, до пятнадцати лет я вообще верила, что моя мама была летчиком-испытателем и погибла при выполнении боевого задания. Когда вскрылась правда (спасибо внезапному откровению вечно пьяного соседа), я стала немножко меньше жалеть о том, что так не похожа на маму, чья фотография стоит у отца в студии на видном месте.

Мама – потрясающая красавица. На нее можно смотреть и смотреть. И я подозреваю, что отец мой, в те редкие минуты, когда остается в мастерской один, так и делает. Я даже догадываюсь, что в это время его лицо непроизвольно становится таким, каким я его больше всего люблю, – добрым, нежным и по-детски беззащитным.

В остальное время мой отец предпочитает казаться циничным и насмешливым.

Итак, я понимаю, конечно, что привлекает к нему всех этих надушенных дам в манто. Мало того что Максим Викторович Бардин очень привлекателен внешне – высокий, стройный длинноногий блондин с пышными всегда взъерошенными волосами, – так еще и профессия! Наверняка каждая из них считает, что спит не с фотохудожником, а со всей богемой сразу.

Много раз давала я себе обещание познакомить отца с какой-нибудь приятной во всех отношениях женщиной, достаточно разумной и милой, чтобы он захотел видеть ее возле

себя каждый день. Считается, что взрослые дочери ревнуют отцов – я не такая! Я хочу женить его, пока чей-нибудь обманутый муж не подорвал нас в собственных постелях! Или пока он сам не влюбился в кого попало. Пока ничего не говорит о том, что такое может случиться, но…

Лучше, если я сама буду контролировать ситуацию…»

* * *

Теперь, когда решение принято, Арина почувствовала некоторое удовлетворение. И уже в нормальном, деловом настрое выныривала из метро «Китай-город» и вскоре подбегала к причудливому, увитому колоннами и мавританской лепниной зданию на Никольской – ее институту.

О готических окнах, словно в глазах, читался упрек: до первой пары оставалось не больше трех минут.

У гардероба толкалась очередь. Девушка в отчаянье остановилась. Не успеть!

– Арина! Бардина! – позвали почти от самой стойки. – Арька, давай сюда! Быстро!

Ф-фу, повезло!

Куртка с наспех засунутыми в рукав кепкой и шарфом поплыла по рукам и была подхвачена стоящим в начале очереди Валькой Сапруновым, одногруппником, ровесником и лучшим другом – именно так сказала бы Арина, если бы их знакомство имело чуть более продолжительную исто-

рию. Пока же оно насчитывало всего полтора месяца. Ровно столько прошло с первого сентября, когда их, первокурсников истфака, поздравлял низенький пузатый ректор. Валька оказался Арькиным соседом по парте, и они вместе с остальными от души потешались над ректорской манерой выражаться:

– Ну во-от, дорогие мои ребятушки, вот. Вы и студее-енты. Поздравляя-яю вас, гаврики мои. И надее-ееюсь, что эти стены будут. Гордиться ва-ами.

– Непреме-енно. Сте-ены будут. Просто ло-опаться от гордости, – в тон ему проблеял Валька – конечно, тихо-тихо проблеял, почти не раскрывая рта, но весь их ряд повалился на парту в приступе неудержимого веселья, а ректор долго оглядывал новичков поверх очков с выражением человека, оскорбленного в лучших чувствах.

Сейчас Валька, всучив свою и Арькину куртки флегматичному гардеробщику, пробирался к подруге. Арина кинула взгляд на часы – до звонка полторы минуты! Ровно столько, сколько нужно, чтобы добежать до аудитории!

– Понеслись, – схватил ее за руку Валька.

Вид у парня был помятый, волосы лохматились, но глаза блестели неким подобием азарта. Он был горд собой и, возможно, рассчитывал, что и Арина сумеет оценить выдержанную им Трафальгарскую битву.

И они понеслись.

– Слыхала новость? – спрашивал он на бегу. – Кубышкин

заболел, что-то серьезное, в больницу слег, надолго. Вместо него бабец какой-то.

– А кто? – спросила Арина, притормаживая.

– Ну так щас и узнаем!

Первой парой у них с Валькой как раз история Древнего мира. До сих пор эту дисциплину, насквозь пропахшую ароматом античности, вел Петр Петрович Кубышкин – малюсенький сморщенный старичок, почти такой же древний, как и сама история. У всех первокурсников создавалось впечатление, что, кроме Урарту, киммерийцев и скифов, этого человека ничего не интересовало. Даже перхоть на его костюме казалась пылью египетских пирамид.

Заболел. Ну надо же! Арина нарастила скорость, подстегиваемая теперь еще и любопытством; новый бабец среди преподавателей – это интересно! Воображение сразу же подсунуло ей тетку с химической завивкой, поджатыми губами и плоской грудью. Да… Такая одними семинарами замордует.

Валька первым встал на пуанты и прокрался в аудиторию. Аринка шмыгнула за ним, скромно опустив глазки, одной половиной лица выражая извинения, а другой – намек на то, что опоздание вызвано трагическими причинами. Да. Переводили бабушку через дорогу. Как минимум.

– …В этот период на престол Ассирии вступил Ашшурнасирапал II, который подчинил себе всю Месопотамию вплоть до финикийского побережья. – Недовольство их вторжением стоящая у кафедры молодая женщина выразила лишь

легким напряжением очень, надо признаться, мелодичного голоса. – Преемники этого царя Тикультиапалэшарр III и Шульманашаред IV двинулись в большой поход на Сирию и Палестину, где встретились с организованным сопротивлением противника…

Девушка села на место и с удивлением уставилась на «бабца». В первую очередь ее поразило, как легко, на одном дыхании и нисколечко не запинаясь, она произносит все эти совершенно невозможные имена ассирийских царей – Ашшурнасирапал… Тикультиапалэшарр… Шульманашаред… Арина бы захлебнулась уже на втором слоге. А во вторую… Во вторую очередь ее изумило, до чего интересные девушки ходят теперь в институтских преподавателях.

Хорошо, ну допустим, не девушка – тридцать-то ей наверняка есть. Или даже чуть больше. Вот такие еле заметные складочки у рта и голубые тени под глазами не появляются в двадцать пять лет… особенно если у тебя все хорошо в личной жизни. Она перевела взгляд на тонкую руку, рисующую на доске схему сражений. Длинные пальцы выпачканы мелом, маникюр безукоризненен, но – так и есть! – обручальное кольцо отсутствует.

Ага!!!

«Как зовут?» – нацарапала она на парте. И указала глазами на преподшу сидевшей рядом Светке Матюшиной, старосте группы.

«Анна Витальевна, – ответила Светка. И добавила: – Бе-

резнева, к.и.н.».

И кандидат исторических наук к тому же! Значит, красивая и не дура. Мысль, которая совсем скоро послужит причиной больших несчастий, еще не оформилась у Арины в голове. Но к визуальному изучению Анны Витальевны Березневой она приступила еще более заинтересованно.

* * *

– Дальнейшие годы, в общем, были свидетелями временного ослабления Ассирии, – говорила женщина, она перенесла указку на карту, где стала очерчивать промежуток между Черным и Средиземным морями. – Страна оказалась полностью отрезана от месторождений железа в Малой Азии…

«А у нее очень плавная, я бы даже сказала изящная, жестикуляция, – подумала Арина, все больше разжигая в себе интерес. – Вот только почему Анна (про себя она уже звала ее именно так) носит такие простые коричневые туфли на низкой платформе? Эти стройные ноги следовало бы подчеркнуть, и не только «шпилькой»! Юбкой, например, и не такой, как сейчас, – чуть ниже колена. Наоборот, коленки ей хорошо бы обнажить… Хотя плиссированные складки – это неплохо, можно оставить…

Дальше. За свободной трикотажной кофточкой не видно, какая у нее грудь, но шея длинная и плечи ровные, не широкие и не узкие – нормально, подойдут…»

Она вдруг поймала себя на мысли, что начинает рассматривать Анну, словно племенную кобылу, тряхнула головой и перестроилась.

Начнем с начала, то есть с лица.

Лицо – правильный нежный овал, «обрамленный», как пишут в романах, гладкими каштановыми волосами, разделенными на правильный прямой пробор. Тонкие брови, кажется, совсем не подправленные пинцетом. Большие строгие глаза – то ли серые, то ли зеленые, отсюда не видно… Идеально прямой нос. Губы… губы самые обыкновенные. Чуть тронуты неброской помадой. Вообще косметики на лице минимум. Ну, это можно исправить…

Явный недостаток один – за все время она ни разу не улыбнулась, даже вскользь. Но в целом подойдет.

«Для отца моего подойдет, – уточнила она про себя. – В качестве жены.

Да, именно так. А чего тянуть-то?»

Нет, ну конечно, предстоит еще выяснить про все ее душевные качества, нравственный облик, хозяйственную жилку, коммуникабельность и незлобивость – но уже сейчас ясно, что она не станет колотить мужа зонтиком, изменять ему с соседом или, допустим, подсыпать в суп сушеных пауков. Анна понравилась Арине с первого взгляда. «Пару разведывательных вылазок, чтобы узнать подробности, – и можно будет их сводить!»

Фу, как мерзко звучит. Не сводить, а знакомить.

* * *

Остальное время, благополучно пропуская мимо ушей дальнейшие злодеяния ассирийских правителей, Арина всесторонне обдумывала эту мысль и в конце концов окончательно ее одобрила. И решила разузнать про Анну все дополнительные подробности. Начиная с того, *где* она живет, и заканчивая тем, *как* ей там живется. И сделать это нужно именно сегодня.

Расчет простой. Чтобы выяснить все эти подробности, нужно за ней проследить, а чтобы проследить качественно, надо остаться неузнанной. Сегодняшний день подходит для слежки идеально! За неполных полтора часа, которые Арина просидела перед Анной в аудитории в числе еще ста пятидесяти человек, Анна ее наверняка не запомнила. А через день-два она уже начнет различать своих студентов по лицам.

После лекции Бардина понеслась в деканат, и завертелась юлой возле рослой тетки в полупрозрачном блузоне и с высокой прической. На эту прическу был вылито столько лака для волос, что она казалась сделанной из картона.

– Татьяна Васильевна, – лебезила Аринка, – вы уж простите, отвлекаю вас расспросами, знаю, заняты, знаю, нас много, а вы одна… Но как бы мне узнать? Вот Березнева, Анна Витальевна, которая у нас на первом курсе вместо заболевшего

Кубышкина историю Древнего мира читает, – она сегодня во сколько освободится?

Не прерывая артиллерийской канонады на компьютерной клавиатуре, секретарша декана скосила на Арьку равнодушные, густо подведенные зеленым глаза.

– А тебе зачем это знать, Бардина?

– Понимаете… Мне ее манера преподавания страшно понравилась. Хочу тему для курсовой попросить.

Татьяна Васильевна еще разок выбила на клавишах стремительную дробь, поставила жирную точку и, не вставая с места, потянулась к набитому папками шкафу напротив. В разрезе ее блузона прямо перед Арининым лицом мелькнули шарообразные груди, под тяжестью которых едва не лопался кружевной бюстгальтер.

– Березнева, Березнева… Вопрос еще, будет ли эта Березнева тобой заниматься. Она первый день к нам на работу вышла.

– Я знаю.

Секретарша вздохнула во всю мощную грудь, отчего по кабинету пронесся ветер, и, раскрыв нужную папку на нужной странице, отчеркнула ядовито-зеленым ногтем нужную графу:

– Вот. Три пары у нее сегодня. Лекция – она уже прошла, семинар на третьем курсе и коллоквиум на втором.

Папка захлопнулась со звуком, похожим на короткий выстрел.

– Спасибо! – Арина постаралась перекричать вновь начавшийся треск (удивительно, как от ее напора клавиши не разлетаются во все стороны!) и понеслась обратно.

Пока все получалось очень удачно. У Анны три пары, у Аринкиной группы тоже три. Остается только не потеряться по дороге!

В два часа дня она затаилась в институтском холле. Там был очень удобный наблюдательный пункт: под большими электронными часами, рядом с нанизанными на металлический стержень пластмассовыми стульями, у зеркала, в котором отражаются все, кто спускается по лестнице к выходу. Здесь она и дислоцировалась.

Вертелась у зеркала минут сорок, с нарочитой медлительностью распустив косу и взбивая волосы – кстати, очень неумело, потому что понятия не имела, как их взбивают. И вообще волосы жалко было портить, но ради дела…

«Может быть, я и не похожа на Элину Быстрицкую или там Софи Лорен, однако волосы у меня и вправду классные…» – промелькнула посторонняя мысль. Тяжелая и длинная светло-русая шевелюра – если судить по фотографии в отцовской мастерской, – единственное, что досталось Арине по наследству от матери. «Ну и пусть, и вообще сегодня мне не до этого!»

Упорно работая расческой, Арина видела, как злобно косились на нее вертлявые студентки со старших курсов. Их бесило, что она перекрыла подход к единственному зеркалу

в полный рост – ничего, потерпят!

Девушка упрямо продолжала превращать волосы в мочалку, пока не заметила наконец Анну – она совсем по-девичьи сбегала по ступенькам, застегивая на груди зелененькое пальтецо в талию. Через плечо у нее была перекинута лакированная сумочка на тонком ремешке.

Не останавливаясь, она на ходу надела берет, достала из карманов перчатки, пересекла холл и толкнула дверь на улицу.

Арина еле успела натянуть на всклокоченную голову кепку. Надвинув ее до самых бровей и подхватив рюкзачок, кинулась следом. Ну понятно, не сломя голову кинулась – она же читает детективы! Глянула на часы и, скорчив испуганную мину, поспешила к выходу. Старшекурсницы зашипели вслед, и Арька нарочно пару раз дерзко вильнула задом.

– Арька! – крикнули сзади. – Подожди! Я с тобой!

«Валька! Тьфу, черт! Тебя только не хватало», – ругнулась она про себя. Не оборачиваясь, махнула рукой – спешу, мол! – но Валька, прижав подбородком пакет с конспектами, уже торопился навстречу, на бегу всовывая руки в рукава куртки.

– Куда ты? Арька!

– Ну, чего тебе?

– Я хотел… Да подожди ты! У тебя что, пожар – так несешься?

– Что хотел – говори быстро! – сказала она с досадой. Тон-

кая спина Анны Березневой пока маячила впереди, но из-за этого приставалы Арька вот-вот может ее упустить! Свернет в переулок или того хуже – нырнет в метро, остановит такси, и жди потом второго такого случая!

– Ты спешишь, да?

– Валька! Или скажи, что тебе надо, или давай отложим до завтра, а?

– Да я… Я, собственно, так, без всякого дела. Хотел просто предложить…

– Что?

– Ну, прогуляться.

– А!.. – судя по всему, Анна действительно направлялась к дымной пасти метро, и Арька начала нервничать. – Ну так сегодня мне некогда, извини. Я занята.

– Занята? А что ты делаешь?

– Прогуливаюсь!

Ответ прозвучал не очень логично, более того – грубо, и, честное слово, ей совсем не хотелось обижать Вальку. Арина брякнула первое, что пришло в голову. Но он обиделся. Отвернулся, засовывая в карман сложенный вчетверо пакет с конспектами. Несильный ветерок высыпал на Вальку пару горстей сухих листьев с ближайшего деревца, листвяная труха осела на непокрытой голове и плечах. Он остановился и встряхнулся, став похожим на потерявшуюся собаку.

Моментально почувствовав раскаянье, Арина взяла его за рукав дутой куртки.

– Валька! Честно-честно, я прогуливаюсь и одновременно занята. Ну если хочешь, ну давай прогуляемся вместе, только ты не спрашивай меня ни о чем, ладно?

– Ладно. – Он заметно повеселел. А она, оглянувшись и поймав глазами зеленое пальто, обладательница которого уже спускалось по ступенькам подземки вниз, включила третью скорость.

* * *

Добрых полчаса, прилепившись к стеклам последнего вагона, Арина стерегла Анну, как львица добычу. Впрочем, это не составляло особого труда – «жертва» спокойно читала то ли книгу, то ли журнал и едва ли замечала, что происходит вокруг. Так они доехали до самой конечной. На «Планерной» Анна вышла – Арина за ней, а Валька следом – и быстрой, летящей походкой стала пересекать площадь, направляясь к автобусной остановке.

Они еле успели – до автобуса оставалось еще добрых метров тридцать, когда Арина увидела Анну, легко заскакивающую на подножку.

Всю дорогу «моя будущая мачеха», как уже стала звать Анну Арина, спокойно читала журнал, сидя у окошка слева. Было совершенно ясно, что место ей уступил тип ловеласного вида, который теперь нависал над нею, вцепившись в поручень, и, судя по шевелящимся губам, всячески старал-

ся завязать знакомство. Пару раз Анна подняла на него глаза, вежливо улыбнулась, поправила съехавшую полу пальто, оголившую ее ноги в обтягивающих сапогах, и снова уткнулась в журнальчик.

Слава богу! Она не кокетка.

– На какой остановке нам выходить? – спросил Валька прямо в ухо. – Парочку остановок проедем или до конца?

– Не знаю я пока ничего, Валька! Ты же обещал не спрашивать!

– Ладно, молчу. Дурацкая ситуация…

С этим нельзя было не согласиться, но ничего не поделаешь. Ради счастья родного отца Арина готова кататься в этом автобусе хоть вечность. Даже целую неделю! Безвылазно.

…Надо признать, что ехали они действительно долго. Уже и пассажиры сменились раза по три-четыре, и ехавшая с ними армия теток с баулами вышла где-то в районе Сходни, и дышать стало посвободнее. Скоро в салоне появились свободные места, на одно из которых, как раз позади Анны, молодые люди и опустились. А автобус все катил и катил себе, поселяя тоскливую мысль, что, ввиду шарообразной формы Земли, он может никогда не упереться в действительно нужную остановку.

За окном городской пейзаж давно сменили холмы, перелески и кажущиеся бесконечными заброшенные пустыри. Потом вновь показались признаки цивилизации – замелькали столбы, провода… И вдруг снова косяком поплыли го-

родские дома. Но какие! Необжитые, безликие, похожие на огромные спичечные коробки. Дворов и детских площадок не было и в помине. Вместо них там и сям громоздились кучи строительного мусора и тянули свои жирафоподобные шеи подъемные краны.

– Никогда здесь не была… – прошептала Арина скорее для самой себя.

– Да? – удивился Валька. – Это ж Куркино.

А-а. Ну надо же! Новостройки, а как неуютно… Одинокая женщина никогда не почувствует себя счастливой в таком доме. Арина открыла рот, чтобы шепнуть Вальке эту мысль, но глянула на Анну и напряглась: молодая женщина стала проявлять неожиданную деловитость. Журнальчик, который она продолжала читать всю дорогу, исчез в сумочке, руки поглубже подтянули берет, подняли воротник пальто, нырнули в перчатки. Анна встала, поправила на плече ремешок и остановилась у двери, готовясь выйти на следующей остановке.

– Валька! Готовность номер один! – приказала Арина, не разжимая губ.

– Сейчас? – он почему-то удивился.

– Да!

Автобус остановился, двери распахнулись – Анна пригнулась, придерживая полу пальто, и сошла. Арина схватила Вальку за рукав и вместе с ним выпрыгнула в другую дверь. Молодые люди сразу же притаились за пустующей тумбой

для афиш.

Хотя могли бы и не прятаться. Не оборачиваясь, Березнева быстро шла по широкой бетонированной дорожке по направлению к новостройкам. Перетягивающий пальто пояс подчеркивал ее стройную талию, и походка у женщины была славная, летящая и в то же время спокойная – определенно, Анна нравилась Арьке все больше и больше.

Кроме того, она шла, совершенно не оглядываясь по сторонам, и это Арине тоже пришлось по душе. Значит, они с Валькой сумеют-таки остаться незамеченными.

– Я понял, – подал он голос. – Ты… то есть мы за ней следим.

– За кем?

– Да ладно тебе, ну! За ней, за Анной Витальевной. Так?

– Ну, так. Только ты обещал ни о чем не спрашивать!

– А я и не спрашиваю – я констатирую. Между прочим, если бы ты сказала мне об этом сразу, то сэкономила бы кучу нервов. И времени. Она живет вон в том доме, – и Валька указал на один из новоделов, до половины выкрашенных коричневой краской. Возле дома лежали останки нескольких расколотых плит, из которых во все стороны угрожающе торчали куски арматуры.

На секунду Арина выпустила из поля зрения Аннину спину и уставилась на Вальку:

– Серьезно?! А ты откуда знаешь?

– Оттуда, что это и мой дом.

– Что-о-о?!

– Представь себе! Мы вместе въезжали. Еще в конце лета. Она в первый подъезд, мы в восьмой. Соседей пока мало, вот я и запомнил. Красивая женщина. Только я не знал, что она историю преподает.

– А что ты еще о ней знаешь?

– Да больше ничего, мы же незнакомы. Просто я ее запомнил.

Эх, жалко! Такое счастливое совпадение – и совершенно бесполезное. Арина твердо посмотрела Сапрунову в глаза:

– Валька! Если ты хочешь мне помочь, слушай и молчи. Я действительно за ней слежу, то есть не слежу, а… как бы это выразиться… ну, словом, желаю узнать про ее жизнь побольше. Интересуют все подробности, но больше всего…

Она вдруг запнулась и смешалась. Сбили с толку Валькины глаза. Оказывается, за полтора месяца знакомства Арина совсем не замечала, какие у него интересные глаза, серо-стальные, с темными крапинками по радужной оболочке. Никогда ей не приходилось видеть глаз в крапинку! И еще ресницы – пушистые, с загнутыми вверх кончиками. Зачем молодому человеку такие ресницы?

Стоп! Не туда.

– …но и больше всего меня интересует, есть ли у Анны Витальевны…

Арина не удержалась, снова глянула ему в глаза и, конечно, сбилась.

– Кто? – не выдержал Валька.

– Сердечный друг, – буркнула она, отворачиваясь. Теперь пришлось с досады кусать губы. Тоже мне, Арина Родионовна! «Сердечный друг»!

– То есть жених или любовник, – уточнил Валька. – Ясно. А зачем тебе это надо – можно спросить?

– Нельзя!

Она больше не хотела смотреть на него. И может быть, именно поэтому выскочила из-за тумбы и рванулась за Анной. Кстати сказать, она уже успела уйти достаточно далеко.

– Арина, стой! – Валька поймал девушку за шарф, по этой причине она просто вынуждена была притормозить, крутануться на месте и упереться руками ему в грудь, чтобы не потерять равновесие. – Надо – значит, надо, узнаем все, никуда она от нас не денется. Но не таким же глупым способом! Ты что, в ее окна собираешься подглядывать?

– Хотя бы!

– Высоко подпрыгивать придется. У нее квартира на девятом этаже.

В Валькином голосе нельзя было не уловить насмешки, и Арина хотела было надуться, но Валька, не обращая внимания на эти обиды, крепко взял ее за руку и повел – Арина еще не понимала, куда именно, но послушно топала за ним по бетонной дорожке.

«Когда меня властно берут за руку и ведут – я теряю волю к сопротивлению».

* * *

На улице было совсем пустынно. Четыре часа дня, а такое безлюдье. Наверное, Валька прав, и во всех этих коробках пока еще живет совсем мало народу. Они прошли дорожку, обогнули несколько куч мусора, перепрыгнули грязное болотце, оставленное следами экскаваторных шин, и поравнялись со вторым от дороги домом, тем самым, на который Валька указал с самого начала.

Анны не было видно.

– Нам сюда, – сказал Валька. Не отпуская Арининой руки, он шагнул в крайний справа подъезд.

Когда подъездные двери со стуком захлопнулись за их спинами, они окунулись в неожиданную холодную темноту. Зловещую тьму перечеркивали лишь редкие и тусклые полосы дневного света, которые пробивались из немытых окон на лестничных площадках.

– У вас что, света нету? – спросила Арина трусливым шепотом.

– Издержки отечественного строительства. Жильцов впустили, а лампочки в подъездах не вкрутили. Придется на ощупь пробираться. Я, кстати, привык. И романтично даже – не находишь? – весело ответил Валька, на минуту отпуская ее руку и шаря по карманам.

– Знаешь, если я ноги переломаю, эта твоя романтика та-

кой прозой жизни обернется!

Вместо ответа в Валькиных руках щелкнула зажигалка. Слабый дрожащий огонек заходил по сторонам, осветил серые от цементной пыли ступени без перил, и такие же маркие стены.

– Куда идти?

– За мной, – его рука снова крепко сжала Аринину. Вторую, с зажигалкой, он вытянул вперед. Как Данко. – Ты альпинизмом никогда не занималась?

– Нет, а что?

– Сейчас начнешь. Моя квартира тоже на девятом этаже.

– А лифт?

– К Новому году обещали пустить.

Их голоса гулко отражались от небеленых стен, и от этого Арине было, прямо скажем, жутковато. И кроме них – ни души! На минуту она почувствовала себя узницей замка Иф, которую вот-вот запрут на полных четырнадцать лет в каменном мешке на краю родного города.

– Не трусь. Всего восемнадцать пролетов!

Хорошо, что он рядом.

Вообще-то Арина была довольно физкультурной девицей. На лыжах или роликовых коньках могла тому же Вальке сто очков вперед дать (она не пробовала, но подозревала). Однако покорение этого Монблана далось ей ценой усиленного сердцебиения, колотья в боку и краски, прихлынувшей к холодным до сих пор щекам. На последних пролетах Вальке

даже пришлось подталкивать ее в спину.

– Прибыли! – сказал он, когда они остановились у нужной двери, и зазвенел ключами.

– Ты один живешь?

– Какое там! Мама, отец, брат-лоботряс – полный комплект. Но сейчас никого нет. Ленька в школе. Родители на работе… Прошу! – И он распахнул еще пахнувшую новой обивкой дверь.

* * *

Арина, конечно, вошла и с преувеличенной тщательностью вытирала ноги о коврик у порога. Она почувствовала, что начинает злиться. Проклятый Валька, сбил с панталыку, затащил к себе, даже предлог какой-нибудь выдумать не удосужился! Что они тут будут делать – чаи гонять? А может… Ведь родителей-то дома нет… Может, он это самое… хочет *покуситься?* На честь ее девичью…

Валька тем временем стащил с девушки куртку, пристроил ее на вешалке, ушел в комнаты и тут же вернулся. Бросил к Арининым ногам пару симпатичных тапочек с помпонами:

– Проходи. Располагайся. Сейчас будем чай пить…

(Начинается!)

– …и заодно про твою Анну Витальевну все узнаем.

– Каким образом? – Арина послушно прошла за ним на маленькую кухню.

– Самым примитивным. – Валька указал сперва на телефон, стоящий на подоконнике возле банок с сыпучими продуктами, а потом почему-то в окно.

– Видишь, вон те окна точно напротив наших? Это ее окна.

Дом имел форму правильной буквы П. Первый подъезд располагался прямо напротив восьмого. И, вспомнив, что Аннина квартира тоже размещается на девятом этаже, Арина наконец постигла Валькин расчет: его жилище было превосходным наблюдательным пунктом. Правда, много увидеть отсюда вряд ли удастся… Аннины окна были наполовину зашторены, темны и холодны.

Валька снова куда-то исчез. От нечего делать Арина принялась рассматривать кухню: а она, в общем-то, уютная, хоть и не устроенная окончательно – не все вещи стоят на своих местах, кое-что даже не вынималось из упаковочных коробок. И стены голые, без обоев. Ну, новая квартира – понятно… А скатерть на столе миленькая, уютненькая такая, в желто-красно-белую клетку, совсем-совсем домашняя…

– Вот, – Валька вошел и положил на эту скатерть семикратный охотничий бинокль. «Беркут» – у Арининого отца есть точно такой же. – Бери, настраивай и смотри сколько надо. А я пока перекусоном займусь. Ты голодная? Я жутко голодный! Слона бы слопал!

Он уже переоделся в домашнее. И девушка не могла не заметить, что надетая поверх майки мягкая клетчатая рубаш-

ка ужасно идет невысокому, плотно сбитому Вальке. Жаль, что у него такой небогатырский рост. Зато плечи вон какие широкие. Накачанный…

Разозлившись за себя на то, что последние полчаса она думала о Вальке Сапрунове гораздо больше, чем он того заслуживает, – в конце концов, у нее сейчас совсем другие цели! – Арина схватила бинокль и навела его на окна напротив. Ни зги не видно!

Так. Спокойно. Берем себя в руки. Медленно и хладнокровно крутим колесико настройки…

Конечно, если бы был вечер, да в окнах горел свет, да если б еще кто шторы до конца в сторону отодвинул, то вся Аннина жизнь раскрылась бы перед ними как на ладони. Сейчас же из размытого «ничего» постепенно выступали неясные очертания почти такой же не устроенной до конца квартирки со следами недавнего переезда, как и та, в которой Арина сейчас находилась. Не было совершенно никакой возможности определить, сумел ли в этом доме наследить хоть какой-нибудь мужчина.

И самой Анны, кстати, тоже не было видно.

– Ну, что? – спросил Валька. Не оборачиваясь, он ловко бил яйца и лил их на сковородку.

– Да ничего! Видимость – как под водой. И совершенно неясно, куда она подевалась!

На этих словах объект Арининого любопытства вдруг показался в зоне внимания. Наверное, вышла из ванной – на

ней был толстый махровый халат. На секунду отразилась в кухонном окне, исчезла… Появилась в другом оконце. Ходила по комнате, то появляясь, то исчезая.

– Кажется, она одна сейчас…

– Это ровно ничего не значит, – возразил Валька, нарезая хлеб. – Времени сколько, не забывай. Может, муж на работе, дети – в школе, мама – в больнице, и так далее.

– Черт, как же тогда узнать?!

– Ты чай будешь или кофе?

– Чай… В домоуправление, что ли, позвонить? Спросить, сколько человек там прописано?

– Давай уж сразу в милицию – узнаем ее паспортные данные! Так тебе сразу все и выложили.

– Что же делать?

– Ешь. – Валька отнял у нее бинокль и выдал вместо него нож, вилку, тарелку и хлеб. – И подай мне телефон.

– Сам же сказал – глупо звонить!

– Это смотря куда.

Валька взял в одну руку бутерброд с сыром и колбасой, в другую – телефонную трубку и в два счета узнал по справочной домашний номер Анны Витальевны Березневой. Затем он сделал три быстрых жевка, в результате которых бутерброд перестал существовать, погладил себя по животу, подмигнул Арине и набрал на телефоне номер Анны.

Арина ничего не понимала.

Но, подчиняясь Валькиному жесту, снова подняла к гла-

зам тяжелый бинокль. В квартире напротив опять началось шевеление – было видно, как Анна поспешно пересекла комнату и скрылась за шторой.

Валька кивнул Арине и нажал кнопку спикерфона.

– Да, – послышался из динамика слегка искаженный Аннин голос.

– Аня? – спросил Валька. Его невозможно было узнать – он говорил сипло, с заметной хрипотцой. – Анюта, это ты?

– Да. Кто это?

– Это я. Не узнаешь?

Она молчала.

– Аня… Я тут простыл немного, не обращай внимания. Аня. Я хочу тебя видеть. Наедине. Как раньше. Только ты и я…

– Нет.

Это прозвучало так неожиданно резко, что Валька и Арина даже чуть отпрянули от телефона.

– Анюта! – продолжал хрипеть Валька. – Нам необходимо встретиться, я прошу тебя. Если я не увижу тебя, то могу… могу… могу натворить глупостей.

– Боже мой, – устало вздохнули в трубке. – Боже мой, ты же обещал…

– Это выше моих сил, – возразил Валька (на Аринин взгляд, немного театрально). – Анюта… Я сейчас приеду к тебе. Ты сегодня одна?

– Нет! – почти крикнула она. – Нет, миленький, это невоз-

можно. Хорошо… да, хорошо, давай встретимся, если ты так… больше не можешь. Но только не у меня.

Арина нахмурилась. «Миленький!» Что это еще за миленький?!

– Где? – кашлял Валька.

– Где? – повторила она. – Где… Боже мой, ты же болен! Я приду к тебе, да, приду. Неужели **она** не ухаживает за тобой? Впрочем, неважно. Я приду…

– Когда? Анюта…

– Вечером, – твердо ответили ему. – Я приду вечером. В шесть часов. Когда **она** будет дома. И не возражай, пожалуйста!

Валька снова закашлялся, на этот раз всерьез – играть сопящего простуженного и в самом деле чревато срывом голоса.

– И не звони мне больше, милый. Я обещала и приду. Целую тебя. До встречи.

Она положила трубку и снова возникла в окне – Арина едва успела вскинуть бинокль. Анна стояла у окна, немного ссутулившись и опустив голову, глубоко засунув руки в карманы халата. По всему было видно, что этот звонок не доставил ей удовольствия.

* * *

– «Миленький…» – снова сказала Арина, на этот раз

вслух. – Что это еще за миленький? Кто в наше время так называет любимого мужчину? Что он ей – ребенок, что ли!

– Кто бы он ни был, заметь: она ни разу не назвала этого типа по имени! – сказал Валька с набитым ртом. Он хищно поедал свою порцию яичницы и был очень собой доволен.

Арина ковыряла вилкой в куда большей задумчивости.

Повод для раздумий был следующий: из вышеприведенного телефонного разговора вытекало, что у Анны Березневой, которую девушка наметила в жены собственному отцу, была связь с каким-то мужчиной. И этот мужчина ей настолько близок, что она даже называет его этим дурацким словечком «миленький»… И еще у этого типа есть жена. Конечно, жена! Иначе почему Анна так удивилась, что какая-то **она** не дежурит возле постели больного?

И еще… Пожалуй, что это даже самое главное… Каковы бы ни были отношения между Анной и мужиком, роль которого сыграл Валька, – женщина хочет с этой связью покончить! Разве стала бы она настаивать, чтобы их встреча состоялась исключительно в присутствии третьего лица?

Она хочет порвать с женатым мужчиной, вот что! «А это значит, что у нас с отцом есть все шансы на успех!» – с торжеством подумала Арина.

– Что мы будем делать дальше? – спросил Валька, подчищая тарелку корочкой хлеба.

Она хотела было ему ответить, что надо подождать часдругой, оставшийся до назначенного Анной времени свида-

ния, и снова попробовать проследить, что это за «миленький» отравляет невесте ее отца жизнь. Почему-то Арина была уверена, что жизнь он ей именно что отравляет.

Но перед этим следовало ввести-таки Вальку в курс дела. И Арина собралась было с духом, чтобы посвятить одногруппника в тайну затеянного сватовства (хоть и рискуя увидеть, как он строит недовольную мину и выразительно крутит пальцем у виска), но перед этим опять нацелила на окна окуляры бинокля. Ее ждал неприятный сюрприз.

Анна по-прежнему стояла у окна, но теперь у нее в руках была трубка радиотелефона. Она сосредоточенно набрала невидимый номер и поднесла трубку к уху, ожидая ответа.

– Черт!!! А если она **ему** перезванивает?!

Женщина стояла к ней вполоборота. Изо всех сил напрягая зрение, Арина видела, что она беззвучно шевелит губами. Значит, ей ответили.

Разговор продолжался недолго. Анна отняла телефон от уха, положила его на подоконник и с минуту стояла в задумчивости, машинально перебирая пальцами поясок халата. Даже при плохой видимости не было сомнений: она чем-то сильно расстроена.

– Похоже, обломились мы с тобой, Арька! – в Валькином голосе слышалось не столько действительно горькое сожаление, сколько робкий вопрос.

– Похоже… – вздохнула Арина.

Анна вновь исчезла в глубине квартиры. Арина оберну-

лась к Вальке: навалившись на стол, он с крайним интересом ее рассматривал.

«Не буду я его больше мучить. И потом, неизвестно еще, как все сложится! Во всяком случае, помощник мне пригодится!»

Арина тоже облокотилась на стол, подперла руками голову и, время от времени отводя от Вальки взгляд (чтобы не поддаваться совсем другим мыслям), все ему рассказала.

* * *

Против ожидания, одногруппник ничем не показал, что принимает Арину за полную идиотку. Но и перспектива женить человека, которого он ни разу в жизни не видел, тоже не заставила Сапрунова прыгать от радости.

– Ты уверена, что он, то есть твой отец, без нашей помощи ну никак не обойдется?

– Абсолютно. Он вообще не хочет жениться!

– Так зачем же его заставлять?

– Затем… Затем, что… Затем, что ты знаешь, к чему приводят беспорядочные половые связи?

– К увеличению рождаемости? – стыдливо предположил Валька.

Арина фыркнула. Чисто мужская логика!

– Представь себе, они ведут к деградации личности, духовной нищете и нарушению родословной! А кроме того –

разрушают институт семьи, распространяют болезни и плодят безотцовщину!

– Ни фига себе! – присвистнул Валька очень уважительно, но что-то мешало Арьке поверить, что за этим уважением не скрывается насмешка. – Откуда знаешь?

– Из жизненного опыта! – Не говорить же ему, что из брошюры «Здоровая семья», которую она прочитала накануне.

– Сдаюсь, – согласился Сапрунов. И отвернулся, загремев в раковине посудой – слишком быстро отвернулся, чтобы она не заподозрила, что парень прячет свою чертову ухмылку. Ну погоди ж ты у меня!

– Так ты будешь мне помогать? – спросила она, нахмурившись.

– Безусловно! – бросив на нее быстрый взгляд, пропел он, надраивая тарелки. – Я даже готов за невестой шлейф таскать, если понадобится. Ради тебя.

Арина насупилась еще больше: вот уж лирика эта здесь совсем ни к чему! Отвлекает.

* * *

Но самое удивительное, если не сказать – страшное, событие этого вечера (да, уже спускался вечер, и по недавно еще безлюдному двору потянулись редкие люди, шедшие с работы) было еще впереди.

По-прежнему сидя у стола и по-прежнему не спуская глаз

с окна напротив, Арина заметила, что обстановка комнаты и отдельные предметы стали различаться гораздо более четко.

– Она включила свет в комнате, – сказала Арина вслух и почему-то шепотом. – Зачем? А! Понятно! Собирается на свидание!

Анна действительно пару раз мелькнула в окне совсем в ином виде, чем они видели ее до сих пор, – не в купальном халате, а в прежних юбке и пуловере. Остановилась у зеркала. Несколько минут вглядывалась в свое отражение и только потом поднесла к волосам руку со щеткой.

– Не торопится, совсем не торопится… И даже не в настроении! Я бы даже сказала – она готовится пойти к этому «миленькому» с большой неохотой! Прямо как из-под палки!

– Радуешься? – спросил за спиной Валька.

– Констатирую! – передразнила она его, не оборачиваясь.

Оборачиваться не было времени: события в окне напротив стали разворачиваться с головокружительной быстротой. Сначала плечи женщины, которая продолжала неторопливо водить расческой по волосам, вздрогнули и замерли на секунду – в бинокль было теперь хорошо видно, как она медленно, очень медленно опустила руку, положила расческу на подзеркальник и вышла из комнаты.

Арина открыла было рот, чтобы приказать Вальке быть начеку: если свет в Аннином доме погаснет, значит, она покинула квартиру и, следовательно, они должны быть готовы

последовать за ней. А для этого предстоит еще преодолеть спуск из подъезда! Но… через минуту или две женщина вернулась.

И вернулась она не одна. Вернее будет сказать, ее ввели за руку – вошел в комнату совершенно незнакомый мужчина в низко натянутой на лоб вязаной шапочке, он тянул ее за собой. Делал он это твердо, но, кажется, не грубо – по крайней мере, Анна нисколечко не казалась испуганной. Неизвестный усадил женщину на диван и присел рядом на корточки.

Они заговорили. Сначала мирно, причем говорил большей частью он – Анна слушала. И слушала очень внимательно, даже, я бы сказала, заботливо – выражение сочувствия на ее лице вскоре сменила жалость.

Она мягким, сестринским жестом сняла с головы визитера шапку, взъерошила его волосы, наклонилась к нему, что-то сказала или прошептала, почти касаясь губами его щеки.

Вдруг он схватил ее руку, на миг прижал к лицу, затем стал часто-часто покрывать быстрыми поцелуями, заворачивая рукав свитера, подбираясь к локтю и выше, выше….

Она резко поднялась, испуганная, посерьезневшая, попятилась к стене, встала, прижавшись к ней спиной и не спуская с него глаз… Губы ее шевельнулись – раз, другой…

И тут этого типа как будто подбросило! Он вскочил с колен, метнулся к ней, как зверь – вот именно, как зверь! – схватил за плечи, стал трясти, встряхивать, будто куклу…

И вдруг ударил!! Да-да, ударил ее, сперва по лицу, ладо-

нью, крепко – голова ее мотнулась от пощечин раз, другой, – а потом эта сволочь ткнула Анну кулаком в живот – она охнула и упала на колени, согнувшись чуть не до пола, по-прежнему не спуская с него огромных глаз, и тогда он в третий раз саданул ее, на этот раз ногой, он пнул ее, и, обезумев, пинал еще и еще!

Арине больше не было видно Анну – наверное, она лежала на полу навзничь, но тип, которого она впустила в дом, еще некоторое время бесновался возле распростертого на полу тела.

И вдруг застыл. Натурально – как изваяние. Простоял так несколько секунд. Затем машинально, будто автомат, натянул на голову вязаную шапочку и вышел…

Валька уже давно что-то быстро говорил возле Аринино-го уха и тянул за ремешок бинокля. Она отмахнулась – «не мешай!» – и, понуждаемая желанием рассмотреть еще хоть что-то, взгромоздилась с биноклем на подоконник, попутно опрокинув какие-то банки с сыпучими продуктами и пару тарелок. Окуляры вплотную прижались к оконному стеклу – оно даже затрещало под напором, черт, только этого не хватало, как бы не разбить, – но все равно было не видно, совсем ничего не видно!!!

– Арька! – пробился наконец до ее сознания настойчивый Валькин голос. – Арька! Слезь с окна, ты так ничего не увидишь, все без толку! Слезь с окна и расскажи, что происходит!

Арина рухнула бы на пол, если бы Валька не поддержал, в такое лихорадочное состояние ввергло ее все увиденное. Расширенными от ужаса глазами она смотрела на него долго, наверное, лет сто. В голове у нее клубилась метель из обрывков самых разных мыслей: что с Анной? А вдруг он ее убил? Надо ли звонить в милицию? Кто этот подонок, который нападает на одиноких женщин? Вдруг он маньяк?

Выходит, Анна в опасности?!!

* * *

– Дело, безусловно, серьезное, но не настолько, чтобы объявлять всеобщую мобилизацию, – сказал Валька, выслушав Аринин рассказ. Он хмурился и мрачнел прямо на глазах. Взял из ее рук бинокль, повертел, отложил в сторону. Снова подумал.

Притянул к себе телефон.

– Опять? Опять ей звонить?

– У нас нет другого выхода. Если не ответит, наведаемся сами. Или «Скорую» с милицией вызовем.

Арина хотела было сказать, что нечего время тянуть, а надо сразу бежать и смотреть, что с Анной, но, опережая ее возражения, Валька, как и в прошлый раз, нажал кнопку громкой связи. Полились длинные гудки. Такие длинные, что они изматывали душу.

Наконец в телефоне щелкнуло.

– Да, – устало сказали в трубке. У Арины из груди будто вынули камень: жива!

– Анна Витальевна? – сказал Валька совершенно новым, официально-бездушным голосом.

– Да…

– Из домоуправления беспокоят. Гражданка Березнева, вы чего ж это график благоустройства двора срываете?

– Что? Я не понимаю… – сказала она слабо.

– Я говорю, почему вы деньги не сдаете на зеленые насаждения. Саженцы надо покупать, рощицу высаживать, все сдали, вы одна манкируете!

На том конце провода молчали. Мы слышали только прерывистое дыхание.

– Алеу! Вы слышите меня? Что там у вас происходит, Березнева?!

– Да… Я слышу. Я все поняла. Я зайду к вам… завтра.

Она отключилась.

– Жива. И даже, кажется, здорова, – сказал Валька, опуская трубку.

– Вижу.

Арина действительно опять видела Анну, но совсем недолго – женщина появилась в поле зрения всего на несколько секунд, чтобы пересечь комнату и выключить свет.

Все исчезло.

* * *

– Какие еще зеленые насаждения? – проворчала Арина. – Октябрь на дворе!

– Сказал первое, что пришло в голову. Главное, было ее услышать. Верно? А вот ты чисто по-женски поддалась эмоциям и упустила самое главное!

– Что-что?! – возмутилась Арина.

– Да! Про этого типа забыла? Ведь за ним можно было проследить! Или хотя бы точно узнать, покинул он квартиру или нет – ты ведь даже этого не заметила, так испугалась!

– Не за себя – ты ведь знаешь!

– Ладно.

Это он сказал примиряюще и даже потянулся, чтобы взять ее руку, а скорее всего – погладить по голове. Аринка отстранилась: проклятый рост! В Арине всего-навсего метр пятьдесят два, и эта карликоватость чуть ли не в первом встречном вызывает желание приласкать ее, как маленькую! И еще: из-за этого роста окружающие до сих пор не принимают ее всерьез.

Как бы там ни было, а в «Следствии по делу Анны Березневой» (как окрестила Арина про себя затеянное мероприятие) главной будет именно она!

– В конце концов, у кого отец на выданье – у меня или у тебя? – спросила Арина грозно, и Валька преувеличенно

капитулирующим жестом поднял вверх обе руки.

Шут гороховый.

Убийца

«…Анна. Анна. Анна.

Аня, Аня, Аня.

Анюта… Анюта!!!

Почему ты всегда, всегда так далеко от меня – всегда, даже в те минуты, когда позволяешь, чтобы я был рядом? Я вижу твое лицо, гладкие брови, лоб, перечеркнутый морщинкой – у тебя уже морщинки! – нежные глаза, в которых любовь – ведь в них любовь, я не могу ошибаться! И руку, легкую, белую руку, одно прикосновение которой изгоняет из меня все тревоги, страхи, отвращение к самому себе, мою потерянность, одиночество, опустошенность – да, и опустошенность, потому что во мне не осталось ничего, совсем ничего с того самого дня, когда ты прогнала меня, прогнала меня от себя!

Ты тоже одинока и тоже страдаешь. Позволь мне согреть тебя. Позволь обнять…

Рука. Такая старая, такая знакомая ласка. Когда-то я мог не выпрашивать ее у тебя – ты разрешала. Я целовал твои руки, шею, тело. Ты вся была моей. Почему же сейчас ты гонишь? За что?!

– Послушай меня. Послушай. Ведь мы договорились с тобой, милый мой! Договорились не видеться больше… наедине.

– Почему, почему, почему???

– Мне страшно…

– Что тебя пугает, Анюта? Что?!

– Послушай, миленький, послушай – только не сердись… Мне кажется… что ты… нездоров.

– Что?!

– Милый мой, ты болен, ты нездоров… И я не могу вылечить тебя, нет, не могу! Тебе нужно…

Я не дослушал – просто не смог. Сидел ослепленный. Та, единственная, кто существовал для меня, во всем мире, единственная во всем мире радость – сама, добровольно, отвергала мою любовь, мое сердце, всю мою жизнь – оскверняла ее, поносила-поганила самим предположением наличия какого-то медицинского диагноза! Она считала меня сумасшедшим!

– Я убью тебя…

Наверное, я сказал это вслух – я понял это по тому, как она отшатнулась от меня, как испуганно и беззвучно шевельнулись ее бледные губы…

Я встал.

– Ты сумасшедший…

– Ты… ты называешь меня сумасшедшим – ты!!! Дрянь…

Это тоже сказал я – это было совсем не то, что я чувствовал и думал на самом деле, но я понял, что сказал это, потому что услышал именно свой голос. Я не в состоянии был продолжать – так душил меня гнев, – и вдруг плотина про-

рвалась и вся моя ярость вырвалась наружу:

– Это ты! Ты одна виновата в том, что произошло! Ты!!! Ты не отпускала меня от себя все эти годы, обволакивала, обвивала, околдовывала каждый день, каждую ночь! А потом – потом я вдруг стал тебе не нужен! Ты выкинула меня, просто вышвырнула за порог, как собачонку!!!

Она попятилась. Лицо исказилось страхом – это подстегнуло меня. Никогда, никогда раньше я не мог думать, что она может так дрожать от страха – из-за меня! Из-за того, что я был рядом!

Я схватил ее за плечи и начал трясти, как трясут дерево, чтобы с него упали плоды.

– Оставь… Оставь… – говорила она через силу. – Ты сумасшедший, сумасшедший…

Я выслушал бы все, что угодно, но эта ложь выводила меня из себя. Обвинения, которые она бросала мне в лицо, пробуждали во мне дрожь. Я негодовал. Пот струился по моим вискам.

– Ты сумасшедший!

Я отпустил ее и дал ей такую пощечину, что она упала, отлетев к стене. Голова ее ударилась об угол, но она обернулась ко мне и, поднявшись на руках, прокричала еще раз:

– Ты сумасшедший!

Я бросился к ней – готовясь принять новый удар, она непроизвольно подобралась, и неприкрытая враждебность, внезапно проявившаяся в этой оборонительной позе, окон-

чательно сорвала меня. Обида, страх, ожесточение, внезапное осознание своего вечного одиночества – все это взорвалось перед глазами, слилось в одну ослепительно-белую вспышку, и, кинувшись к ней, чтобы помочь ей подняться, я вдруг стал бить ее так, как бьют мужчину…

…Когда я пришел в себя, она по-прежнему лежала на полу, неловко прикрывая рукой половину лица, юбка наполовину задралась, на скуле был кровоподтек – она лежала на полу, не говоря ни слова, и смотрела на меня. Молча, страшно.

Никогда она еще не смотрела на меня так страшно».

* * *

Максиму Бардину, Аринкиному отцу, день сегодня предстоял хлопотливый: ему нужно было принять гостью, к которой в «Нострадамусе» (глянцевый журнал эзотерического направления, с которым Бардин сотрудничал не первый год) относились с каким-то непонятным, почти мистическим трепетом.

– Максик, дорогой мой, – сказала ему главный редактор этого издания, когда накануне они ужинали с ней в японском ресторане, – я знаю, котик, что ты без моих слов сделаешь с ней прекрасную фотосессию… Но все же прошу тебя: приложи все-все свои усилия, обнажи перед ней весь-весь свой талант… Если нам удастся заполучить эту Аду в качестве

постоянного консультанта – тираж «Нострадамуса» сможет скакнуть до заоблачных высот! Мы станем лидерами рынка! Понимаешь?

Это «Понимаешь?» она произнесла, наклонившись близко-близко и ошпарив Максима своим «фирменным» взглядом роковой соблазнительницы. Одновременно Макс почувствовал, как Марина, скинув под столом туфлю, принялась гладить его ногу, забираясь узкой ступней под брючину, а рука ее быстро и ловко, словно уходящий в глубины морской хищник, скользнула под скатерть.

Марина была, безусловно, очень красивой женщиной – для тех, кто любит вот такой «роковой» тип красоты, в стандартный набор которого входят холодные темные глаза, карминные губы, аккуратная, волосок к волоску, прическа, ради создания которой стоило добрых полтора часа посидеть в парикмахерском салоне, и… полное отсутствие того, что в архаичных кругах принято называть моральными принципами.

Когда-то Макс с ума по ней сходил. Элегантно и дорого одетая, чуть полноватая – ровно настолько, чтобы ее тело можно было назвать «женственным», а фигуру «чувственной», – она приходила к нему и превращала ночи в шепот ласк, и рев страсти, и опустошенность коротких передышек, а потом, в очередной раз приближая к нему свое лицо, засыпала пряно пахнущими волосами, целовала, гладила, кусала, пробовала на вкус, исторгала из его груди особую, ни на что

не похожую торжествующую мелодию, переходящую в рык обезумевшего самца.

А потом он узнал, что в списке ее побед числится даже не шестнадцатым номером – Марина сама рассказала ему об этом в одну памятную лунную ночь, восседая на постели, абсолютно обнаженная, в серебряном луче, льющемся через приоткрытую форточку:

– Ты прекрасен, как молодой бог, котик мой милый… хотя и не особенно инициативен в постели. Я ставлю тебе твердую четверку и расстаюсь с тобой не без сожаления…

– Расстаешься?

– Ах боже мой, конечно. Я выхожу замуж. Сегодня вечером мне предстоит сделать то, что обычно проделывают героини бульварных романов: собрать мои девичьи дневники, в которых описывается мой сексуальный опыт, начиная… впрочем, не так уж важно, с каких именно лет. И сжечь эти постыдные свидетельства моей опытности. Вместе со всеми воспоминаниями.

Отвернувшись, чтобы не смотреть на нее – белую, волшебно-красивую, медленно поворачивающуюся в пятне лунного света с запрокинутыми за голову руками, – Макс сухо спросил:

– Надеюсь, в твоей квартире есть противопожарная сигнализация?

– Милый, «сжечь» – это, конечно, метафора. Просто «вынести на помойку» – слишком грубое для такой ночи выра-

жение.

Они расстались без сцен и выяснения отношений, и Максим сам был удивлен тому, как быстро растаяло это чувство, с которым еще недавно он просто не мог бороться. Только его организм, организм здорового мужчины, еще долго не мог забыть упругости ее тела. Но со временем прошло и это.

Они расстались, но сохранили деловые контакты – вот такие обеды в почему-то любимых ею экзотических ресторанах и расточаемые во время этих свиданий дежурные ласки были той ежемесячной данью, которую Максим должен платить ей «в память о прошлом».

– Она удивительная женщина, эта Ада, – говорила тем временем Марина, продолжая свои манипуляции, и, удивленная тем, что Максим не отвечает ей, смотрела на него с блеском насмешки в темных глазах. – Никто не знает, кто она и откуда. Но, едва взглянув на человека, она уже знает о нем почти все. Некоторые говорят, что она просто ведьма – такая, настоящая, из мрачных глубин Средневековья. И ты знаешь, в этом что-то есть. Потому что все, что она говорит, – правда…

Максим спокойно снял со своего рукава ее наманикюренную руку.

– Что же она говорит? Предсказывает погоду? Или осчастливливает ваших читательниц тем, что в этом сезоне будут носить короткое и светлое?

– Милый, не иронизируй. Во-первых, вспомни, какой у

нас журнал, – мы пишем не о моде, мы балансируем между мистикой и попытками объяснить необъяснимое. Во-вторых, не задавай дополнительных вопросов. Впрочем, когда ты увидишь эту женщину, все они сами вылетят у тебя из головы.

– Она такое чудовище?

– Что ты! Она… Но ты сам увидишь. И знаешь что? Я очень хочу, чтобы ты в нее влюбился.

– Вот как, зачем?

– Затем, что, когда ты влюблен, у тебя получаются особенно волшебные портреты.

Заказ, который Максим получил от «Нострадамуса», подразумевал, что он должен сделать несколько фотографий женщины по имени Ада.

И вот он сидел и ждал, когда к нему домой, точнее в студию, пожалует эта удивительная – а раз уж сама Марина не смогла скрыть своего восторга, то она, должно быть, и в самом деле удивительная – клиентка.

Она пришла с королевской точностью. Именно расхожая фраза о том, что точность – вежливость королей, пришла Максиму в голову, когда он, направляясь в прихожую, машинально бросил взгляд на часы. Ого! Минута в минуту! Почти небывалый случай, если речь идет о женщине.

– Приятно иметь дело с дамой, которая так ценит чужое время, – расшаркался Макс, помогая ей снять плащ.

Никак не удавалось ее разглядеть: в полутемной прихо-

жей, которая освещалась сейчас лишь узким прямоугольником света, льющимся из входной двери, была видна только роскошная медно-рыжая грива, усеянная бисеринками дождя, и кисть узкой белой руки, поправляющая влажные, крупно вьющиеся пряди.

Грива колыхалась, как живая, – волосы незнакомки, подрагивая и змеясь по ее плечам и узкой спине, жили своей жизнью, как у горгоны Медузы. Хотя нет! Сравнение с горгоной было неудачным. В Аде действительно было нечто демоническое – ровно настолько, чтобы все были околдованы ею. Околдованы – но не напуганы.

Она улыбнулась так, что Максим вдруг почувствовал себя польщенным, протянула руку так, что он удивился крепости ее рукопожатия, прошла по коридору в студию так, словно этот коридор был небольшим перешейком, который необходимо миновать, чтобы войти в Букингемский дворец.

– Не сюда, дальше, – сказал Макс за ее спиной, когда Ада на несколько секунд задержалась на пороге гостиной.

Но она еще немного помедлила, с веселым, как ему показалось, удивлением оглядывая комнату, в которой царил некоторый беспорядок. Затем повернулась – не торопясь, мимоходом скользнув по Максу странным взглядом, чем-то напоминающим кошачий, – и проследовала туда, куда было сказано.

– Чай, кофе? Или… покрепче? На улице дождь, вы наверняка продрогли? Не стесняйтесь, пожалуйста.

– Благодарю. Чуть-чуть бурбона, если вы не возражаете.

– Да, конечно, – он оглянулся в некоторой растерянности. – Если у меня найдется…

– О, у вас найдется. Даже если это будет не бурбон, я не откажусь от того, что вы предложите на замену – что там у вас? Шартрез, драмбуйе, арманьяк?

Она с таким стопроцентным попаданием перечислила содержимое его бара, что Максим едва не остановился на полдороге. Овладеть собой ему помогла догадка: Марина!

Ну конечно же, отправляя к нему «нужную клиентку», она не преминула прихвастнуть тем, что знает знаменитого Бардина не только как коллегу и подчиненного. И конечно, она не сказала об этом прямо. Но разве перечисление напитков, которые имеются в доме холостого симпатичного мужчины, не говорит само за себя?

– К счастью, есть и бурбон, – обернувшись от бара, Макс помахал в воздухе недавно начатой бутылкой. – Вам со льдом?

– Пожалуй. И совсем немного – ведь предстоит работа.

– Мне все равно нужно несколько минут, чтобы изучить вас, ваше лицо и фигуру. Не обидитесь, если я буду рассматривать вас очень пристально?

– Не обижусь. Я обожаю, когда мужчины не спускают с меня глаз.

Фраза была кокетливой, но произнесенной скорее с холодной усмешкой, которая чуть тронула красивые, чуть при-

пухлые, с аристократическим изгибом губы. Макс принес ей виски, сел напротив и принялся безо всякого стеснения рассматривать лицо, которому вскоре предстояло быть растиражированным на обложке «Нострадамуса».

Ада встретила этот взгляд спокойно и чуть свысока. Но ей шла эта надменность. Макс заметил, что и голову она держит очень прямо, причем безо всякого напряжения. Рыжие волосы с тем редким медовым оттенком, который сегодня можно встретить разве что на полотнах Тициана, в свете софитов искрились золотыми брызгами. А самое главное – глаза! Изумрудно-зеленые, с большими черными, вот уж действительно ведьмаческими зрачками. Максим отклонился в сторону – Ада проводила взглядом это его движение, и, попав в струю другой лампы, ее зрачки моментально сузились, превратились в горизонтальные щелочки – как у кошки. Вот это да!

Он невольно подумал о том, как трудно фотографировать рыжеволосых женщин – из-за нежной кожи и красноватых век их лица чаще всего получаются серыми и рыхлыми. Почти у всех – но не у Ады.

– Вам совсем не придется поправлять макияж, – сказал Макс, отметив про себя, что на этом узком, чуть присыпанном темными веснушками лице очень мало косметики. – И как хорошо, что вы не следуете этой дурацкой моде использовать перламутровые мазилки. Из-за этого все лица на фотографиях выходят синюшными. С вами же можно посту-

пить очень просто: чуть освежить губы – у вас помада с собой? – и высушить волосы, я сейчас принесу вам фен.

Она улыбнулась, соглашаясь, – и это была царственная улыбка, которую бросает королева, когда придворные просят разрешения присутствовать на ее утреннем туалете.

* * *

Пока Ада при помощи фена, который Максим взял из Арькиной комнаты, приводила в порядок влажные от дождя волосы и укладывала их в простую (не только на первый взгляд) прическу, он быстро поменял задник и установил подходящий свет.

Найти нужный ракурс было не так сложно: клиентка, даже не будучи красавицей в строго-античном смысле этого слова, все равно смотрелась великолепно.

На рыжеволосой Аде было открытое темно-синее платье от «Нины Риччи» из панбархата со стоячим воротничком, так выгодно подчеркивающим ее белую шею, расклешенным подолом и длинными узкими манжетами на пуговицах, из-под которых выступала пена черных кружев. Наряд королевы, который был бы одинаково хорош и для вечернего приема, и для аперитива перед обедом.

Змейка золотой цепочки с каким-то чудным кулоном ускользала, то и дело норовя нырнуть в ущелье между выступающими из разреза алебастровыми полукружьями гру-

дей, и Ада спокойным, вполне естественным жестом извлекала ее, снова пристраивая на место. Вдоль шеи спускались длинные серьги, а когда женщина высоко подняла руку, перехватив прядь волос, на среднем пальце сверкнуло кровавым блеском кольцо: старинный гранат, вставленный в тяжелую оправу потемневшего от времени серебра.

– У вас дорогие и, сразу видно, далеко не штампованные украшения, – заметил Максим, подкручивая штатив. – В наш быстрый век не часто можно встретить женщину, которая умеет так безупречно сочетать современные мотивы «Риччи» со средневековыми формами ювелирных украшений. Это комплимент!

– Еще реже в наши дни можно встретить мужчину, способного при первой же встрече отличить платье «Нины Риччи» от «Диора». Это тоже комплимент, – парировала она, улыбаясь.

– Издержки профессии, – повинился Максим. – И профессиональная же память.

– Вряд ли. Скорее врожденная способность отличать драгоценности от дешевки.

Она не хотела польстить – сказала то, что думает на самом деле, это было сразу видно. Но Макс был польщен.

Следующий час они почти не разговаривали. Нельзя же, в самом деле, назвать разговором его отрывистые просьбы «чуть наклонить голову», «опустить левое плечо», «слегка откинуться назад» и «смотреть немного поверх объектива».

Они потрудились на славу – Ада беспрекословно исполняла все то, что ей говорили, и не пыталась, как это часто бывает со взбалмошными моделями, убеждать Макса в том, что «в левом профиле я смотрюсь гораздо выигрышнее».

После таких трудов праведных он счел необходимым пригласить клиентку на чашку чая. Хотя нет! – зачем врать? – не счел необходимым, а пригласил, долго собираясь с духом и с замиранием сердца ожидая ответа.

– Почему бы и нет? – просто ответила она.

Макс возликовал.

По счастью (положение одинокого отца обязывает), Бардин не относился к тем холостякам, которые держат в холодильнике только вчерашнее пиво и ржавые селедочные хвосты. За считаные минуты он сумел сервировать столик в гостиной и мысленно поздравил себя с успехом, подметив, с каким одобрением Ада созерцает поданные на деревянных тарелках помидоры, фаршированные креветками, горячие бутерброды с яблоком и сыром и салат-коктейль в хрустальной креманке. Да, если в чем Макс и был еще талантлив, то это в кулинарии!

– Надеюсь, я смог угодить…

– Благодарю вас – абсолютно.

– Это вдвойне приятно, потому что я ведь вас совсем не знаю.

– Зато я вас знаю, – просто сказала Ада. – И мне кажется, теперь мы будем встречаться довольно часто.

Когда она говорила это, Максим как раз протягивал ей бокал с коктейлем «Клеман». Их руки встретились, и Макс не слишком торопился отпустить ее живые тонкие пальцы.

– Значит ли это, что вы назначаете мне свидание?

– Вовсе нет. Просто в ближайшие дни дороги Весов – вы ведь Весы? – и Львов, а по Зодиаку я – Львица, будут тесно переплетены. Я знала об этом задолго до того, как Марина предложила мне встречу с вами. Скажу больше – отправляясь сюда, я была уверена, что встречу именно вас.

– Именно меня? Вы видели меня раньше?

– Никогда. Говоря «встречу именно вас», я имела в виду: знала, что встречу мужчину, родившегося под знаком Весов. Ведь я не ошиблась?

Макс улыбнулся. Если Ада хочет удивить его своей прозорливостью, то ей придется поискать другого простака.

– Вы, конечно, узнали мой знак Зодиака, когда увидели это, – сказал он, подняв руку с часами и указав на подвешенный к ним небольшой брелок из белого золота в виде весов. – Что ж, пока это говорит только о том, что у вас очень острое зрение!

– Вовсе нет, – возразила она, отставляя в сторону бокал, из которого только что пригубила «Клеман».

Маленький, как у кошки, розовый язычок неторопливо облизал влажные губы.

– Вы знаете, каждое мое знакомство с новым человеком обычно начинается с того, что я распознаю его знак Зодиака,

а потом объясняю, как просто было его угадать. Я привыкла и не удивляюсь. Но и вы не стали исключением, что отчасти меня огорчает.

– Почему?

Она помолчала, одарив Бардина вместо ответа новой улыбкой.

– Хорошо… Раз уж я так не оригинален, то…

– …то мне стоит отвести ваши сомнения на свой счет и рассказать, откуда мне стало известно, что вы – Весы? – подхватила она. – Извольте. Сразу успокою вас: Марина не говорила мне об этом ни слова. Она вообще не рассказывала о вас слишком много – вы ведь именно этого опасались? – и для того, чтобы понять, что вы собой представляете, мне хватило всего нескольких минут.

– Вот как?

– Да.

– Интересно!

– Безусловно, иначе знание людей и их поступков не являлось бы моей специальностью. Итак, кто сказал мне, что вы Весы? Во-первых, об этом намекает сама ваша профессия. Весы – самые большие эстеты в Зодиаке, и то, что вы – фотохудожник, то есть человек, наделенный врожденным пониманием красоты, изящества, вкуса, отчасти свидетельствует в пользу того, что вашим домом гороскопа управляет Воздух. Далее – достаточно посмотреть на вас и на то, как вы одеваетесь, чтобы разглядеть в вас истинного эстета. Идеаль-

но отутюженная рубашка от «Армани», часы «Стехх», ботинки «Белуччи», одеколон от «Диора» и все это – в первой половине дня, в студии, когда многие другие представители вашей профессии предпочитают одеваться в потертые джинсы и ковбойские рубашки! Да, Максим, сложно спорить с тем, что вы любите нравиться другим. И с тем, что у вас хороший вкус.

Не отрывая от него взгляда, она подняла руку и плавным движением обвела комнату:

– То, что вы Весы, отражает даже интерьер вашей гостиной. Благодаря своему личному стремлению к гармонии вы так подобрали мебель и аксессуары для своего «маленького мира», что каждый, попав в ваш дом, будет думать, что здесь поработал искусный дизайнер. Но я утверждаю, что никакой дизайнер здесь и часа не пробыл. Как всякому представителю знака Весов, вам чужды кричащие тона, и потому обстановка вашей комнаты в мягких и спокойных тонах: бежевый диван, ковер цвета кофе с молоком, коричневые шторы и так далее. – Ну и наконец, – продолжала Ада, ловко расправляясь с бутербродом, который она ела очень изящно, предварительно разрезав его на маленькие кусочки, – вы прекрасный хозяин, это видно уже по тому, как ловко и быстро, в считаные минуты, вы собрали на стол, а перед этим угостили меня рюмочкой прекрасного бурбона – кстати, у Весов в запасе всегда имеется какой-либо элитарный напиток, вот почему, не будь у вас бурбона, вы предложили бы мне что-ни-

будь другое, не менее оригинальное. Еда для Весов – целый ритуал, где необходимо строго и последовательно выдержать все позиции – сигара и рюмочка аперитива перед началом, на столе – обязательный салат (Весы вообще – мастера салатов), красивая и «удобная» еда с непременным присутствием на столе яблок и сыра. Вы очень приятный кавалер, Максим, хороший хозяин и красивый мужчина. Вы настоящие Весы.

Все время, пока она говорила, Макс пытался понять, что происходит – пытается ли она околдовать его, завлекая комплиментами? Или и в самом деле демонстрирует природную наблюдательность, как тигрицы, потягиваясь перед зачарованными зрителями, показывают им игру мускулов на стройном теле?

Он уже открыл рот, чтобы возразить ей примерно так: «Все что вы сказали, может быть, и соответствует истине, но скорее всего – просто совпадение. У меня есть серьезное возражение, против которого все ваши доводы просто ничего не стоят, а именно: ни одно из перечисленных качеств: эстетство, хозяйственность, стремление к гармонии и уюту – не свойственно моей дочери. Арина – моя полная противоположность! А ведь мы с ней родились в один день, и она тоже Весы».

Но Макс не успел произнести и половину задуманного, потому что Ада, в очередной раз отставив бокал в сторону, промокнула губы салфеткой и поинтересовалась тоном светской львицы, поддерживающей вежливый разговор:

– А где же ваша дочь? В институте?

* * *

Валька караулил ее под козырьком парадного входа в институт. Вот уже полчаса.

Она снова опаздывала.

Это «снова» Валька говорил себе с полной ответственностью, ибо завтра будет ровно полтора месяца, как он поджидал Арину у этого входа каждое утро с упорством, которое сам же называл ослиным. Можно было быть уверенным в том, что Арина Бардина этого поклонения не замечает – ведь она так искренне, из раза в раз удивлялась тому, что они снова «случайно» сталкиваются у входа в альма-матер.

– Привет!

– А! Привет! – Это было все или почти все, что ему удавалось сказать ей за целый день.

К счастью, вчера наконец кое-что все-таки изменилось.

Арина вдруг оказалась у него дома, и Валька был посвящен в ее сумасшедшие планы относительно женитьбы родного отца – и с блеском выдержал испытание, ни единым лицевым мускулом не выдав своего истинного отношения к происходящему.

– Сегодня, наверное, уже напрасно ее сторожить, – сказала Арина со вздохом, сползая с табуретки, на которую забралась с ногами, – так было удобнее заглядывать в окна на-

против. – На. – Она протянула бинокль. – И пока. Я пойду. Поздно уже, и твои, наверно, вот-вот подойдут… И отец дома один… Если один, – добавила она, внезапно надувшись.

– Я провожу.

На улице стоял тот сизый сумрак с еле уловимым запахом жженой листвы, который бывает только в середине осени. Пока Валька доводил Арину до остановки, она, заложив руки за спину и нарочно подбрасывая ногами шуршащие листья, продолжала рассуждать:

– Самая большая моя ошибка – то, что я совсем не запомнила, как выглядит этот козел! Просто не успела разглядеть! Понимаешь, он все время спиной ко мне стоял, потом вроде как на колени опустился… А когда драться к Анне полез – так тоже спиной! Ну, в лучшем случае вставал вполоборота. Что тут увидишь? Но я все равно своего добьюсь. Все равно! Не на такую напали!

– Так ты чего больше хочешь – узнать, кто это был, или уже завтра заставить Анну Витальевну шить подвенечное платье?

Арька резко остановилась, и, внезапно сузив обычно круглые карие глаза, процедила сквозь зубы:

– Я хочу а) избавить приятную женщину от типа, который ее избивает; б) подобрать моему отцу приличную партию и в) никогда больше не слышать от тебя дурацких шуток на эту тему! Или ты со мной заодно, или вообще тогда больше не подходи!

Ничего себе выбор!

– Арька, ну что ты злишься, как маленькая? Я же сказал, что заранее одобряю все, что ты хочешь сделать!

Здесь Валька, конечно, немного покривил душой, но душа его против этого не возражала.

А потом он шел и думал – какая невероятно глупая затея втемяшилась в голову этой девчонки. Женить взрослого мужчину! Да еще на женщине, которую он и в глаза не видел! Детство, чистой воды девичьи фантазии. Может быть, кто другой так на его месте ей бы и сказал. Но беда была в том, что именно Валька ничего такого Ариадне Бардиной сказать не мог.

Причин было две: во-первых, страшно не хотелось ее разочаровывать, когда она, искоса глянув на него и насупившись, спросила так сердито, как будто он только что обидел ее любимого котенка:

– Так ты не будешь мне помогать? – и ее чуть вздернутый нос задрался еще выше, придав милому круглому лицу выражение комичной воинственности.

А вторая причина заключалась в самой Арьке – то есть Ариадне, как она поторопилась сообщить всей группе еще при первом знакомстве первого сентября.

Вся их группа, человек пятнадцать, тогда толпилась на крылечке главного корпуса – счастливые, возбужденные впечатлениями первого дня студенческой жизни, сплоченные той необъяснимой симпатией друг к другу, которая возни-

кает в один день и может перерасти в совершенно противоположные чувства уже через неделю.

Новоиспеченные студенты только что имели удовольствие отслушать напыщенную и велеречивую речь смешного и не очень, на их взгляд, умного ректора заведения. И, гогоча, просто загибаясь от распирающего хохота, перебивая друг друга, старались как можно более похоже передразнить его манеры, дикцию, мимику… Получалось не очень близко, но и то, что получалось, веселило их до одури.

Когда же тема исчерпала себя, возникла другая мысль: куда пойти? Вариант: просто взять и вот так разойтись по домам – показался глупым и неуместным.

– Может… того? – высказался вполне определенно самый высокий парень с чуть прыщавым лицом и тонкой шеей, на которую был в четыре слоя намотан серый шарф из грубой шерсти. Было уже известно, что это Роман Капустин, будущий отличник. Ибо он единственный из всего курса при поступлении сумел набрать двадцать пять балов из возможных двадцати пяти.

– Того-этого? – уточнил Капустин еще более определенно. И для окончательного отсечения сомнений в том, что его правильно поняли, выразительно щелкнул себя по горлу.

– Я не против, – поддержал его кто-то.

– И я…

– Вообще-то… мысль-то, братцы, хорошая… только вот – где? – протянул Володька Проханов – с ним Валька закончил

одну школу.

– Да вон за углом кофейня есть. «Бригантина». Там со своим нельзя. Но если скинемся… нам грамм по сто пятьдесят и девчонкам «красного»…

– Что скажете, девчата?

Девчат было пятеро, и только три из них сразу согласились идти в «Бригантину». Четвертая, взъерошенная толстушка с испуганными глазами навыкате, быстро-быстро затрясла головой. Она ничего не объясняла, но стоило только глянуть на нее повнимательней, как причина отказа четко читалась: «Мама заругает». А пятая…

Когда Валька оглянулся в поисках Арьки, то увидел, что она, закинув на одно плечо рюкзачок с тетрадками, так ни с кем и не попрощавшись, сбегает по ступенькам. Маленькая (она оказалась ниже всех в группе), но крепенькая фигурка в коротеньком пиджачке всем своим видом демонстрировала презрение к алкогольным планам однокурсников.

Он догнал ее, взял за локоть:

– Ты что?!

– А что? – спросила она насмешливо, сверкнув на Вальку круглыми карими глазами.

– Не пойдешь, что ли, с нами?

– Была охота! В засиженной мухами пивной околачиваться…

Он бы мог ей возразить, что «Бригантина» представляет собой вполне приличное заведение, облюбованное не одним

поколением студентов, но отчего-то вдруг тоже передумал идти вместе со всеми. Смотрел на ее свежее, точно выточенное из фарфора личико в форме правильного сердечка, на собранные в толстую косу светлые волосы, отливающие шелком при каждом движении головы, маленький задорный нос – и не мог не поймать себя на мысли, что эта девчонка ему ужасно нравится.

– Так пойдем тогда, что ли?

– Куда?

– Ну, куда… Гулять!

И они поехали в Серебряный Бор.

Гуляли до самого вечера – вдоль Москвы-реки, которая, предчувствуя скорую зимнюю спячку, тянула серебристую чешую воды медленно и даже как будто неохотно; по затопленным листопадом просекам, что ведут к Бездонке; мимо плывущей в воздухе паутины, по шуршащему светофору палой листвы, под еле слышный гудок последнего речного трамвая…

Валька старался, как мог, и Арина молча улыбалась, пряча зарумянившееся лицо за разлапистыми кленовыми листьями, из которых она с детским увлечением собирала шуршащий багряно-желтый букет. А иногда – стоило ему совсем уж разойтись – хохотала, запрокинув голову, и атласная коса соскальзывала через плечо на спину, а Арька привычным, сердитым движением возвращала ее на место.

Потом они залезли в самый дальний конец парка, Ари-

на нашла какую-то заброшенную лавочку с переломанными рейками на месте сиденья, и недолго думая, забралась на нее с ногами. И аккуратно расправила под собою юбочку, прежде чем присесть на давно не крашенную спинку.

Валька тогда в который раз подумал о том, как не похожа Арина на других знакомых девиц. В то время, как нелепая девчачья мода вынуждала каждую из них облачаться в дерюжные джинсы и бесформенные свитера, на Арьке была коротенькая юбка в складку, открывающая чуть полноватые, но вполне приятные глазу ножки, обутые в лаковые туфельки, и вызывающе-отутюженная белая блузка с кружевной отделкой под скромным клетчатым пиджачком.

«Пятерочница из выпускного альбома», – подумал он, начиная сердиться. Валька не мог отделаться от мысли, что, несмотря на все его старания, Арина все равно держит между ними невидимую дистанцию.

– Ну, – сказала она требовательно и даже притопнула от нетерпения. – Что там было дальше?

– Дальше? Где?

– Что значит – «где»? Ну, решили вы с приятелем тогда зайти в этот сельмаг – ты же сам рассказывал!

Действительно, Валька начал было плести одну из своих баек – в его голове их хранилось достаточное количество, чтобы при случае развлечь знакомых. Ну да, и девчонок тоже. История, которую он начал было излагать, была не то чтобы неприличная, но и не без элемента пикантности. Ари-

на выслушала ее, не дрогнув.

– Да. Значит, случилось это в июле – как раз я экзамены сдал и решил вместе с приятелем отметить это дело нетрадиционным образом: поехать на Алтай и там сплавиться по реке. Причем солидно так сплавиться, до самых Писаных скал. Нагрузились, как верблюды, у кого лодка, у кого спальники, там котелок позвякивает, здесь фляжка побулькивает… В общем, по полной, как говорится, программе. Приезжаем на место сплава, разбираем все, и… тут неожиданно возникает проблема. Река бурная, с изломами, водопадами – как бы нам на переправе свои мобильники не повредить. Логично вытекает мысль – надо их так запаковать, чтобы влага в них не просочилась, а пользоваться, в случае чего, было бы возможно. Как быть?

Она склонила голову к левому плечу и сосредоточенно нахмурилась – так, как будто от нее и впрямь требовали немедленно решить вдруг возникшую задачу.

– Ну… под эти… под костюмы ваши непромокаемые спрятать?

– Смысла нет! А если достать придется – его тут же водой зальет!

– Тогда не знаю… Говори! – потребовала она, и круглые глаза загорелись азартом.

– Товарищ мой предложил пойти в сельмаг и купить… презервативы. Самые обычные, из дешевых. Они и тянутся хорошо во все стороны, и непромокаемые.

Валька ждал, что она начнет жеманно хихикать и отворачиваться, но Арина лишь собрала носик в гармошку. И ждала продолжения.

– …в эти презервативы мы и придумали положить телефоны и сверху завязать узлом. Тогда, в случае необходимости, и экстренный номер набрать можно! Значит, заходим мы в сельмаг, оба такие деловые, серьезные до не могу, и прямым ходом к продавщице:

– Презервативы есть? Срочно! Нам самого большого размера!

Эта тетка глазами морг-морг, шеей дерг-дерг, носищем швырк-швырк, вся краской залилась, аж до самого декольте… По виду совсем старая дева была, она указанный нами продукт, поди, только в телевизионной рекламе и видела… Ка-ак рявкнет: «Нет!!! У нас этих… ваших… вообще никогда не бывает. У нас приличный магазин!!!»

Арька фыркнула и затеребила в пальцах огромный лист. Валька невольно засмотрелся на ее руки – маленькие, белые, с по-детски пухлыми ладошками. Но пальцы были изящные, ровные, чуть суженные к концам, и каждый из них венчал маленький, покрытый перламутровым лаком ноготок. Как бриллиантовая кнопочка.

– Ну, дальше! – потребовала она, принявшись осторожно обламывать кленовый лист с краев.

Валька вынул из ее рук получившийся огрызок и вручил вместо него очередной набор листьев. Она приняла их как

бы в рассеянности.

– Дальше… Переглянулись мы с товарищем – что делать? Сплав под угрозой срыва! И тут меня вторично осеняет.

– Раз презервативов нет, – говорю, – дайте тогда нам целлофановые мешки. Которые покрепче!

Ему удалось очень удачно изобразить эту сцену. Арька зажмурилась, прижала обеими руками к лицу кленовый букет и расхохоталась так, что из-под густой щеточки черных ресниц показалась пара слезинок. Глядя на нее, он тоже гоготнул.

– Комики! – сказала она, отдышавшись. – А тетка что?

– Ретировалась. Обратилась в решительное бегство. Пришлось нам в другой магазин идти…

* * *

Так он влюбился.

К вечеру он уже вполне это осознавал.

И, трясясь в пыльном вагоне метро по дороге домой, грустный, как пятиклассник, не мог думать ни о чем другом, кроме как о том, что, когда он проводил ее до нужной ей станции, она деловито запрыгнула в поезд и тут же скрылась между людскими спинами, ни разу не оглянувшись и уж тем более не помахав ему рукой…

Полтора месяца Валька караулил ее то у входа, то в самом фойе института, изо дня в день теряя надежду. Вчера нако-

нец все изменилось. Можно ли было упустить такой шанс?!

В толпе студентов на подходе к институту мелькнула светлая курточка с нахлобученным на голову капюшоном – моросил редкий холодный дождичек. Она!!! Валька почувствовал, как кто-то невидимый дружески хлопнул его по плечу. Потому что – это было уже победой! – выставив из-под капюшона курносый нос и глаза, Арина, как галчонок, явно высматривала кого-то на крыльце. И были все основания полагать, что высматривает она именно его, Вальку!

– А! Ты здесь! Привет! – сказала она прерывисто – запыхалась! – Ну что, что? Было что-нибудь новенькое?! Видел?

От нее вкусно пахло дождем и рябиной.

– Нет, – неохотно признался он; трудно было ее разочаровывать. – Абсолютная тишина.

– А ты смотрел? – спросила она подозрительно.

Валька очень постарался, чтобы весь его вид выражал предельный упрек:

– Конечно, смотрел. Я, аки ястреб, пронзал темень чужих окон почти до самого утра. И в бинокль, и так. Полночи на кухне крутился. Мать даже испугал, она мне в три утра допрос попыталась устроить! Пришлось врать, что увлекся астрономией – мол, рассматриваю звездное небо и составляю гороскоп для всей семьи…

– Ага.

Они вошли в холл. Аринка, не дожидаясь ничьей помощи, ловко стянула с себя куртку и понеслась к гардеробу, даже

не взглянув на себя в зеркало – редкая вещь! Пару секунд он смотрел ей в спину, потом опомнился: ее ж затопчут! – и бросился вызволять из агрессивной толпы маленького смелого воина с толстой русой косой через плечо.

Почему ему пришло в голову это сравнение? Может быть, из-за погончиков на ее жилетике – на них так и просились маршальские звезды. И маленький рост Валькиной возлюбленной этому впечатлению совсем не мешал.

За пять минут до звонка влезть в очередь к гардеробу их института без вазелина было невозможно! Народ терся друг о друга, невзирая на неравенство полов.

– Ребя! Ну пропустите! Мне на лекцию! Я на лекцию опаздываю! – умолял какой-то неврастеник с повисшей на одном ухе дужкой очков.

– А мы, по-твоему, в Африку за елками собрались? – огрызнулись ему.

– Черт! Опаздываем!!!

– Не переживайте, мужики, скоро опять конец недели – послезавтра уже четверг!

Из боя они вышли с победой, зажав в руках в качестве трофея алюминиевые кругляшки-номерки. Валька тут же проявил военную хитрость, опустив оба в свой карман – гарантия, что после занятий Арина никуда от него не убежит.

Маленького вояку все же чуть потрепали в очереди, и ей пришлось обернуться к зеркалу, чтобы заправить обратно в прическу выбившиеся паутинки светлых волос. Доставая из

рюкзачка расческу, она вынула оттуда и еще что-то.

– Вот, – сунула она в Валькину руку аккуратно сложенную пополам серую бумажку, прозрачную и тонкую на ощупь. – Хорошо, что я успела! К самому открытию подошла.

– К открытию чего? – не понял он.

– Цветочного магазина! Смотри, смотри. Целую корзину купила. И с доставкой! – она отвернулась, спешно подбирая последние волоски.

Он все еще ничего не понимал. Развернул бумажку. Квитанция.

– *«Сады Семирамиды»,* – прочитал Валька витиеватую надпись сверху. – *Принят заказ – корзина с цветами для яркой, выдающейся личности: розы, илекс, декоративные яблоки, гербера, антуриум, гортензия, глориоза, эуфорбия, гвоздика, зелень. Заказчик: Бардин М. В. Доставить…»*

Дальше следовал адрес Анны Витальевны.

– Так ты отправила ей цветы? От имени своего отца?

Она кивнула, зажав в зубах расческу. Быстрые пальчики торопливо поправляли сборчатый воротничок блузки, оглаживали рукава – все очень по-деловому, без самолюбования, не отвлекаясь на пустяки, – как будто бы, но на самом деле Валька прекрасно видел, как в зеркальном отражении Арька ловила на себе мужские взгляды, и видел также, что ей это очень приятно.

Проходящие мимо парни оглядывались на Валькину подружку, и в этом не было ничего удивительного: на ней снова

была коротенькая юбочка-разлетайка. Интересно, знает ли сама Арька, какие красивые у нее ноги? Ножки. О ней хотелось говорить только так – «ножки», «ручки», «головка»…

– Зачем? – это он спросил про цветы.

– Интригующе. Романтично. Таинственно. Загадочно, – протелеграфировала она, не выпуская изо рта черенка расчески.

– Да, но, насколько я знаю жизнь, цветы женщине обычно дарят после знакомства! За очень редким исключением.

– Да? И какой же женщине не захочется почувствовать себя редким исключением? – парировала она надменно и посмотрела на него через плечо.

– Ну хорошо. А каким образом Анна Витальевна поймет, от кого цветы?

Арька уже скинула в рюкзачок расческу и извлекла вместо нее черно-белый прямоугольник. Визитка.

– *«Бардин Максим Викторович*, – было написано на ней. – *Фотограф, фотохудожник, фоторепортаж, театральная фотосъемка, художественный портрет, портфолио, фотопробы, пейзаж, натюрморт, каталожная фотосъемка, фешн-фото…»*

– Ясно? Я вложила между цветов его визитку! И так ее пристроила, что Анна не сможет не заметить. И заинтересуется – а кто бы на ее месте не заинтересовался?! Но и это еще не все!

Они уже неслись к аудитории, и Арька договаривала на

бегу:

– На той неделе у отца большая выставка в Московском доме фотографии. На Остоженке. Шикарный зал, между прочим! И там соберется вся эта, – она сморщила носик, – «богема». Так вот, Анна получит приглашение на эту выставку! По почте. Подписанное самим автором – я взяла одно из отцовской пачки. И Березнева туда, на эту выставку, пойдет! Если, конечно, она не дура. Но по ней видно, что она не дура!

– А дальше?

– А дальше я их познакомлю, и они друг другу понравятся!!! – Тон ее не оставлял сомнений в том, что все так и будет.

– Сегодня опять к тебе поедем, – докончила она, обеими руками берясь за ручку двери. – Надо посмотреть, как там события развиваются. Если ты не против, конечно.

Валька, конечно, был не против.

Они с трудом смогли высидеть сегодняшние пары. Арина вертелась ужом, то и дело трясла ручкой с часиками на тонком браслете, подносила их к уху, недовольно выпячивала губки. Валька невольно заразился ее нетерпением и к концу третьей пары сам стал гипнотизировать время, взывая к звонку, точно чукотский шаман: «Скоре-е-е… Ну, скоре-е-е…»

Последней парой у будущих историков была логика – дурацкий предмет! Он всегда поражал их своими идиотскими выкладками к заведомым аксиомам: «Каждый одуванчик –

это цветок. Но не каждый цветок – одуванчик!»

Пасмурный день тоже не располагал к жизнерадостности – даже чтение надписей на партах перестало развлекать. Да еще этот долгий, муторный голос преподавателя, который задает какие-то задачи, совершенно бессмысленные для нормального человека!

Он, наверное, и сам это почувствовал, потому что, увидев, что все приуныли, этот квадратный дядька в мятом пиджаке и с пегими, торчащими во все стороны волосами, вдруг прервал сам себя на полуслове, отошел от доски, сел за стол, подпер щеку пухлой рукой и сказал:

– Ну хорошо. Попробуем разобрать вот такой, скажем, более реальный случай. Вчера вечером я достал из домашней стиральной машины пододеяльник. Натянул в коридоре веревку, стал вешать его, чтоб просох…

По рядам прошел шелест недоумения – и замер: студенты слушали препода со вновь проснувшимся интересом. Что-то человеческое проступило на его скучном лице, складки которого выпустили из-под толстых век неожиданно живые глазки.

– Ну-с, вот вам задача: нужно сделать так, чтобы широкий пододеяльник поместился на веревке в узкой прихожей. Длина короткой стороны пододеяльника шире, чем протяженность веревки. Как быть? Кто ответ угадает – ставлю на будущей сессии зачет автоматом.

Все молчали, окончательно притихнув… Отличник Ро-

ман Капустин, после минуты тягостных раздумий, потянул конец неизменно намотанного на его тощей груди шарфа и неуверенно поднял руку:

– Пал Иосич, можно? Наверно, нужно сложить пододеяльник по диагонали и повесить его по воображаемой линии биссектрисы…

Не дослушав, Павел Иосифович вздохнул и снова оглядел притихших студентов:

– Еще версии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.